

НОВЫЙ ЗАХВАТ САМОДЕРЖАВИЯ.

Учрежденная в начале года правительственная комиссия по выработке плана преобразования петербургского городского общественного управления приходит к концу своих работ. Насколько долго работают правительственные комиссии, занятые общепольными культурными задачами, настолько же быстро справляются с своим делом те, которые готовят проекты «упразднения».

Дело идет, действительно, о новом упразднении — об упразднении для г. Петербурга того подобия городского самоуправления, которое существует по городскому положению 1892 г.

Когда в прошлом году реакционная печать во главе с «Моск. Вед.» начала поход против городского самоуправления вообще и в столице в особенности, она прибегла к нередкому в ее практике приему: в интересах бюрократии и самодержавия спекулировать на демократическое и либеральное недовольство теми сторонами нашего самоуправления, которые проникнуты сословным и классовым духом. Подобно тому, как по отношению к Финляндии реакционные газеты, замахиваясь на ее свободу, подчеркивали неравноправность финского крестьянина и пролетария с землевладельцем и буржуа, так и по отношению к городскому самоуправлению России нападали на узко-буржуазную и плутократическую его подкладку и требовали передачи городских дел в руки чиновников во имя интересов бесправного большинства городского населения. При этом реакционная печать бесстыдно умалчивала о том, что существующее городское положение 1892 г. — по сравнению с действовавшим до того — сильно сузило круг лиц, имеющих право на участие в городских выборах, и переместило центр влияния на городские дела в сторону наиболее богатой буржуазии. Реакция словно нарочно лишила общественное самоуправление всяких следов связи с широкой массой городского населения для того, чтобы через 10 лет потребовать его упразднения в интересах этих широких масс.

К счастью, уже безвозвратно прошли те времена, когда в русском обществе еще могли находиться люди, искренно верившие в какие-то «демократические» начала во внутренней политике царизма. Благодаря, главным образом, резкой критике (в просторечии именуемой «непозволительной полемикой») русских социал-демократов, из репертуара либерально-народнической интеллигенции должны были исчезнуть все вздорные песни о «демократическом царе», ведущем борьбу с капитализмом и буржуазией. «Демократические» фразы реакционеров принимаются уже всеми за то, что они есть на самом деле: за бесстыдную ложь, должную прикрытие безнадежно-противообщественные стремления самодержавия.

Выводы правительственной комиссии, о которой мы здесь говорим, проникнуты тою же гнусной тенденцией, — провести «захватные» планы самодержавия под шумок «демократической» критики существующих (самодержавием же и созданных) зол буржуазного хозяйничанья в городских думах. «Гласные являются представителями интересов преимущественно домовладельческого и промышленного класса населения. Интересы же прочих разрядов столичных обывателей остаются мало обеспеченными»... «Гласные, в большинстве их состава, относятся совершенно безучастно к принятым на себя обязанностям и очень неаккуратно посещают заседания думы... „исполнительные органы петербургской думы“ нередко оказываются не на высоте своего положения; и ошибки их, хотя бы граничащие с злоупотреблением, покрываются снисходительным отношением к ним думы...» — таков отзыв правительственной комиссии о грехах нынешнего городского самоуправления столицы.

Для исцеления всех зол нынешнего самоуправления комиссия, между прочим, предлагает: распространение избирательных прав на «некоторые разряды квартиранимателей»; учреждение особой должности председателя думы, назначенного высочайшей властью; признание гласных «должностными лицами», включение в состав думы представителей от правительственных ведомств; замену постоянных заседаний думы периодическими сессиями (по образцу земских собраний); «сокращение круга предметов ведения думы путем сохранения за ней лишь обсуждения городской сметы и отчетности... с предоставлением мелких дел самостоятельному ведению городской управы; предоставление городской управе в кругу ее непосредственного ведения большей, чем ныне, самостоятельности по отношению к городской думе»; назначения городского головы, его товарищей и половины членов управы по выбору административной власти без срока и «предоставление администрации права продолжать полномочие выборных членов управы, по усмотрению своему, и на следующие сроки»; «предоставление издания обязательных для жителей Петербурга постановлений власти министра внутренних дел» и т. д. в том же роде.

Достаточно простого перечисления этих предположений, чтобы видеть, как много места самодержавие согласно «уступить» общественным силам в деле городского хозяйства. Осуществление программы комиссии будет означать непосредственно полное уничтожение городского самоуправления для Петербурга, а косвенно — и для всех русских городов. Даже при Николае I Петербург пользовался, по сравнению с большинством русских городов, более широким самоуправлением. Лишение жителей главного городского центра права самоуправления явится, без сомнения, первым шагом по пути к всероссийскому

упразднению городского самоуправления. Кто сомневается в этом, — пусть припомнит, что реакционная печать в период подготовительных работ упразднительной комиссии в своей полемике против городского самоуправления козыряла доводами, заимствованными из думской практики не одного лишь Петербурга, а и таких городов, как Одесса, Киев, Тифлис, Иркутск. Доводы эти сводились к двум: 1) пренебрежение интересами населения, доходящее до систематических злоупотреблений со стороны городских воротил; 2) политическая неблагонадежность (армянская оппозиция в Тифлисе и либеральная в Иркутске).

Что касается доводов первого рода, то прежде всего следует подчеркнуть то указывавшееся уже в нашей либеральной литературе и часто забываемое обстоятельство, что если мы очень часто слышим о думских и управских хищениях, злоупотреблениях и т. п. «ошибках», то более чем легкомысленно было бы отсюда сделать вывод о преимущественной подкупности и развращенности тех деятелей, которые ведают городские дела. Было уже неоднократно указано, что сравнительно (для России) широкая гласность, которою обставлено городское и земское хозяйство по сравнению с хозяйством государственным, позволяет печати и частным лицам гораздо чаще раскрывать и клеймить злоупотребления земских и думских деятелей, чем злоупотребления чиновников. Вот почему стотысячные хищения городских заправил становятся подчас известны всем и каждому, а миллионные хищения Кривошеинных и Сиягиных остаются невыясненными, благодаря высочайшим указам о прекращении следствия и цензурным циркулярам, предписывающим газетам строгое молчание.

Не русской бюрократии — этому воплощению взяточничества и казнокрадства — «кивать на Петра», на городское самоуправление. О том, как будет вестись городское хозяйство по упразднении нынешнего самоуправления, достаточно красноречиво говорит эпизод с проектом городских железных дорог в Москве и Петербурге, взбудораживший думские сферы и печать обеих столиц.

Правительство, — без согласия обеих дум и вопреки явному неодобрению с их стороны, — намеревается выдать концессию на проведение городских железных дорог нескольким подозрительным спекулянтам, при чем особая правительственная комиссия должна «в принципе решить вопрос об отобрании от города без его согласия принадлежащих ему конножелезных дорог» и об отчуждении — тоже без согласия города — городских земель. И петербургские и московские думы довольно резко отозвались об этой попытке «облагодетельствовать столицы без их согласия». В собрании «общ. сод. русск. торг. и пром.» известный петербургский гласный Кедрин разоблачал невыгодность для населения тех условий, на которых правительство намерено выдать русско-американским гешефтмахерам концессию. Ни один голос в «обществе содействия» не высказался за проект. Но правительство, не дожидаясь официального упразднения городского самоуправления, уже распоряжается так, как будто бы его вовсе не существовало. Петербургские газеты недвусмысленно намекают на то, что гг. Балинский, Вернер и К⁰ 1 достигли своей цели, — поддержки правительства — не без посредства «барашка в бумажке». Поучительное предзнаменование для будущего городского

хозяйства в руках назначенных правительством отцов-командиров!

Мы упоминали выше, что «Моск. Вед.» в числе прочих доводов против городского самоуправления приводили и политическую неблагонадежность некоторых дум. Едва ли, однако, правительство всерьез поверило хоть на минуту доносам Страстного Бульвара². В заключениях «упразднительной» комиссии ни словом не упомянуто о каких-либо «крамолах» среди думцев. И, действительно, даже самодержавная подозрительность не могла бы отыскать в истории нашего городского самоуправления каких-либо «политических тенденций». Но именно потому-то нынешний набег самодержавия и представляется нам особенно характерным: в разгаре борьбы на все фронты с целыми полчищами «внутренних врагов» оно удосуживается нападать на наиболее мирные общественные учреждения; с риском посеять новые семена недовольства, оно стремится сузить до крайних пределов те рамки, в которых хотя бы часть «обывателей» могла считать себя хозяином в своем собственном деле. Нехитрый политический расчет, казалось бы, должен был подсказать правительству, что набег его на лишенное политической окраски самоуправление городской буржуазии неизбежно раз'яснит этой последней всю невозможность для общества «размежевания» с всевластной бюрократией. Но, очевидно, *c'est plus fort que lui* *, самодержавие не может не вторгаться ежедневно в им же самим признанные права своих «подданных». Тем лучше: и слепые, наконец, увидят, что какие бы то ни было общественные права могут быть сколько-нибудь ограждены от захватов чиновничества только таким прочным барьером, как завоеванная революционным путем конституция.

Предчувствуя вспышку общественного негодования, правительство желает подсластить свой упразднительный проект расширением круга избирателей. В безгласной думе, заседающей несколько недель в году под председательством назначенного «высочайшей властью» лица, правительству не опасны избранники несколько более широкого круга населения, чем тот, который теперь пользуется избирательными правами. Но само расширение предполагается очень мизерным. «Некоторые разряды плательщиков квартирного налога», т. е. плательщики высшей суммы налога, — это, в сущности, лишь новый слой все того же класса, который ныне пользуется избирательным правом. Речь идет о лицах, платящих, во всяком случае, не менее 1.000 р. в год за квартиру — т. е. о чиновниках высших рангов, о частных служащих с большими окладами и о вполне буржуазной части интеллигентов из «вольных профессий».

Если б даже избирательное право было распространено на всех плательщиков квартирного налога, то из всех квартирнанимателей столицы (134.413) этим правом воспользовались бы менее половины (61.561). И в то время, как самодержавное правительство, собираясь упразднить последние остатки самоуправления, щеголяет своим «демократизмом» в форме распространения сомнительных прав на несколько тысяч буржуазных избирателей, сами деятели нынешнего буржуазного самоуправления выдвигают гораздо более демократический принцип. Как со-

* Это ему не под силу

общает г. Д. Семзнов в «Нов. Врем.» (№ 9504), приглашенные в правительственную комиссию «городские деятели... отметили в своих авторитетных мнениях крайнюю несостоятельность распространения городского избирательного права на квартирантов и наметили различные центы: уплату квартирного налога, или определенный минимум такого или, наконец, наем квартиры независимо от уплаты налога». (Курсив наш).

Если упомянутые городские деятели своими заявлениями имели в виду опередить правительство в его тактике заигрывания с ныне лишенными избирательных прав обывателями, то они поступили как нельзя более целесообразно, и мы можем лишь рекомендовать им в неизбежной борьбе за право самоуправления держаться постоянно этой тактики. На каждый шаг в сторону упразднения свободы самоуправления они должны отвечать агитацией в пользу распространения избирательных прав на все городское население. Только при этом условии их борьба за свои права привлечет к себе внимание и сочувствие той «бедноты», без которой они будут бессильны бороться с завоевательными планами зазнавшейся бюрократии. Опыт прошлого должен был им подсказать, что ни одно сколько-нибудь свободное общественное учреждение не может считать себя прочно утвердившимся в стране самодержавного произвола, если оно не связало своего существования с интересами самых широких слоев трудящегося населения, если на его защиту не готовы встать широкие массы самого революционного, самого грозного для реакции общественного класса.

Свободное местное самоуправление, организованное на основе всеобщего избирательного права, — таков принцип рабочей партии в земском и городском вопросе. Этот демократический принцип может быть осуществлен только на развалинах самодержавия, и именно потому рабочая партия заинтересована в успехе борьбы каждой общественной группы против расширения сферы всевластия этого самодержавия. Поэтому либеральные элементы городской буржуазии в борьбе за права своего самоуправления могут рассчитывать на сочувствие социал-демократии. Но на успех своей борьбы за право общественной самостоятельности они могут рассчитывать лишь постольку, поскольку поймут всю важность для них самих сделать вопрос о городском самоуправлении вопросом о правах всего населения.

[Л. Мартов]

РЕВОЛЮЦИОННАЯ «БЕЛЛЕТРИСТИКА».

Мы помним время, — всего несколько лет тому назад, — в кружках русских социал-демократов шли споры о том, не поторопился ли съезд местных организаций 1898 года, полагая основание Росс. Соц.-Дем. Р. Партии; не слишком ли были слабы еще силы для того, чтобы называться этим ответственным именем. Для нас безразлично сейчас, кто был прав из споривших. Для нас этот спор — симптом настроения социал-демократии. Расходясь в оценке факта, все были согласны в том, что дело социал-демократии, дело организации и просветления масс не выносит иллюзий, не терпит ми-

ража преувеличений. Всегда производить точный учет действительности, как бы горек он ни был, и пуще всего бояться мистифицировать и себя и других, — насчет собственных сил и собственной организованности! Партия, рассчитывающая исключительно на сознательность масс и согласованность их действий, не признает и не может признавать приемов, к которым так часто прибегает «сознательное меньшинство», выступая самостоятельной силой. Партия массы *par excellence*, социал-демократия, уже в силу своего характера, застрахована от скользкого пути игры в темную, от соблазнительного желания муссировать свое значение перед противником и казаться в глазах «общественного мнения» тем, чем пока еще она быть не в силах.

И мы не сомневаемся, — в настоящий исторический момент общественного под'ема и пробуждения масс, когда революционер, что город на горе, всем виден, и каждый шаг его всенародно судится, — верная своим традициям социал-демократия даст должный отпор таким поползновениям. Положение слишком критическое, революционная среда слишком серьезно настроена, чтобы проходить с одной лишь усмешкой мимо того сдвигания, которым потчуют нас «Рев. Росс.» и связанные с ней организации.

Универсальные люди подносят каждый день по новинке: вчера — «партия», сегодня — «боевая организация», завтра — «крестьянский союз», послезавтра — еще что-нибудь. Их орган — «Рев. Росс.» — изнемогает под бременем притекающего материала *, «мы принуждены почти вдвое увеличить размер» номера, «громадный фактический материал, скопившийся в руках редакции», «много рукописей лежит и ждет очереди» — не перестает плакаться газета. Дело за деньгами, но и это не беда: «если так много сочувствующих (аграрной) Лиге, то найти деньги «будет не так трудно». «Доставка литературы поставлена» ими «хорошо», прокламации их распространяются — «благодаря имеющимся связям» — «очень удачно» или «с чрезвычайной быстротой»; результаты их пропаганды в крестьянстве — «блистательны», писания их имеют — «большой успех», и пишут они неизменно талантливо: «брошюра захватывает читателя и производит особенно сильное впечатление, даже на самых неподготовленных», «брошюра написана популярно и читается с интересом», прокламация «прекрасно составлена» и т. д. и т. д.

Универсальные люди! Талант окрыляет их, подымает на высоты... беллетристики.

Знаете ли, читатель, почему Балмашев стрелял в здании комитета министров? Об этом вам расскажет «боевая организация».

Он стрелял там — «не случайно», не потому, что для успешного выполнения своего плана нашел это место наиболее пригодным, а потому, что Сипягин «в этом комитете совершал свои преступления»!..

Из отчетов о суде над Балмашевым нам точно известно его «последнее слово». Он объявляет в нем убийство Сипягина своим единоличным делом. Можно как угодно толковать мотивы этого заявления, но нужно обладать своеобразным талантом для того, чтобы отвергнуть самый

* Все нижеследующие цитаты заимствованы из различных №№ «Рев. России», до 9 № включительно.

факт заявления. И, однако, это ухитрился проделать... 7 № «Рев. Росс.». Полемизируя с «Летучим Листком» «Петерб. Союза Борьбы»*, он обозвал эти известные нам данные — «абсолютно неверным сообщением». Утверждение смелое, что и говорить, но понятное в устах «беллетриста». Правда «художественного» произведения для него выше подлинной правды действительности — поэма о систематическом терроре, практикуемом «боевой организацией», перевешивает быль показаний свидетелей.

Искусство Балмашева, обдуманность его выступления — есть та почва, на которой необходимо во что бы то ни стало построить престиж организации. «Акт революционера был подготовлен тщательной предварительной работой выдвинувшей его организации»... «Балмашев явился исполнителем решения боевой организации партии», — такие и подобные к.м. выражения начинают со смерти Балмашева — пестрить страницы «Рев. России».

«Вот перед нами Лаговский — человек, решившийся на подвиг самоотвержения и вынужденный стрелять, вместо Победоносцева, в стекло окна квартиры Победоносцева»...

...«Вот Алларт, револьвер которой в роковой критический момент отказывается служить», «вот Михалевич»...; «вот Гирш Леккерт, который при сравнительно благоприятных обстоятельствах достигает лишь частичного успеха». Почему это? — вопрошают социалисты-революционеры. Да потому, что за ними не стояло «боевой организации». Все эти факты тем ярче оттеняют казнь Сипягина... казнь, которая своей организованностью, продуманностью своего плана и блестящим успехом производит глубочайшее впечатление на всех.

* Как нам сообщают петербургские товарищи, этот листок лишь напечатан в типографии «Союза», но исходит от самостоятельной группы.

К ВОПРОСУ О ПРОГРАММЕ.

Нам доставлено следующее сообщение:

Обсудив проект программы Росс. С.-Д. Партии, выработанный редакцией «Искры» и «Зари», группа соц.-дем. одного из южных городов России и лиц, сочувствующих соц.-дем. (всего 15 чел.), пришла к следующим заключениям:

С.-Д. Р. П., возникнув как таковая, необходимо должна дать программу, ясно и определенно формулирующую теоретическое обоснование деятельности этой партии, ее конечные цели и ближайшие требования.

Необходимость такой программы вообще обуславливается потребностью партийного объединения для планомерной совместной работы. Но при наличии одновременно действующих революционных и оппозиционных групп необходимость эта усугубляется потребностью отграничения от указанных групп. Так как из различия основных положений вытекают и различия в практической деятельности, то Р. С.-Д. П., действуя среди разнородных революционных и оппозиционных течений, необходимо должна присоединить к своей общей программе

И в другом месте: «Не нашлось организации, которая бы обеспечила их (т. е. Леккерта и его товарища) попытке успех так, как был, напр., обеспечен успех попытке Балмашева». Если в одном случае организация гарантирует «все шансы на удачу», то в другом — успех покушения «может быть только счастливой случайностью».

И в твердом сознании, что «все шансы на удачу гарантированы», что успех покушения — при организованном терроре — не есть «счастливая случайность», — «боевая организация» посылает своего человека стрелять в харьковского губернатора кн. Оболенского.

Выстрел раздался. Пуля пролетела мимо... не получилось даже и того «частичного успеха», которого достиг одиночка Леккерт. И лишь в виде символа «организованности», «обеспечивающей все шансы на успех», остались нам — кровавые слова на стенках револьвера, пучок прокламаций с напечатанным на них «смертным приговором» Оболенскому да «беллетристика» сообщений «боевой организации», которыми она — тотчас же после события — возвещала миру о разговорах стрелявшего с допрашивавшей властью и даже о чувствах его в самый момент покушения («стрелявший, опасаясь ранить стоявшую рядом даму, направил выстрел выше ее головы»).

Est modus in rebus! И у «беллетристики» есть свои правила, которые нельзя переступать безнаказанно. «Безмерный» «беллетрист» рискует произвести «анти-художественное» впечатление.

Именно такое впечатление, — думается нам, — получили наши немецкие товарищи, получил всякий сторонний наблюдатель, которому попали в руки сообщения «боевой организации».

Так, известная «Leipzig. Volkszeitung», «Лейпцигская Народная Газета», издающаяся при ближайшем участии Мeringa и Розы Люксембург, в статье от 27 августа с. г. «К вопросу о терроризме в России», говорит: «Заметим еще, что одно само по себе второстепенное

и точно определенную программу практической деятельности, программу тактики.

Исходя из этих основных положений, упомянутая группа лиц находит, что предложенный «Искрой» проект программы, удовлетворяя вполне первому требованию, выполняет второе лишь формальным образом, ибо дает только общие, неопределенные указания, — «социал-демократия организует его (пролетариат) в самостоятельную политическую партию» и т. д., — отнюдь не касающиеся конкретных вопросов практической деятельности, требующих от члена партии определенного и ясного отношения.

Переходя к рассмотрению программы ближайших требований, группа считает необходимым сделать следующее замечание:

Понятие «ближайшие цели», заимствованное из западно-европейских социал-демократических программ, в этих последних имеет известный определенный смысл и не подает повода ни к каким недоразумениям.

Ближайшими называются те требования, которые непосредственно предъявляются партией буржуазному правому государству и могут быть осуществлены в пределах его. Употребляя без оговорок тот же термин в русской соц.-дем. программе, мы должны помнить, что

обстоятельство подтверждает, повидимому, нашу точку зрения (отвергающую систематический террор). Это те шум и треск (*Brimborium*), которыми русский террористический комитет обставляет свою деятельность, та шумиха заранее приготовленных приговоров, которые вручаются оставшимся в живых приговоренным, пистолеты с выгравированными страшными словами, поспешный детальный отчет партии о том, как держится заключенный, доступ к которому так затруднен, отчет, производящий впечатление, что он составлен просто-напросто на основании заранее условленных с покушавшимся слов и жестов и т. д. Мы отнюдь не желаем на этом основании хотя бы сколько-нибудь унизить личное мужество, убежденность, готовность к самопожертвованию того русского революционера, который покушался на кн. Оболенского. Но вся обстановка покушения, в особенности же сообщения террористического комитета, производят невольно впечатление какой-то игры (*Spielerei*), игра же в самом начале террористической деятельности представляется нам тонким, но верным симптомом ошибочности самой тактики» *.

Центральный орган немецкой социал-демократии, который, — по словам «Рев. России» (см. № 7), — «всегда

* Кстати отметим еще один «интересный факт», подчеркиваемый автором цитируемой статьи. «В то время как у нас, немцев, — говорит он, — ортодоксальных марксистов подозревают в бланкистских склонностях и отыскивают даже у Маркса бациллу бланкизма, — в это время в России, — единственной стране, где бланкистская тактика могла бы найти практическое применение, — за нее высказываются не „ортодоксальные марксисты“. Напротив, русская социал-демократия, как она представлена Верой Засулич и другими, самым решительным образом отвергает для данного момента систематический террор. Террористическая же тактика, которая во всяком случае очень сродни бланкизму, защищается и проводится той группой русских социалистов, которая, подобно нашим немецким ревизионистам, ведет освободительную борьбу против «марксистской догмы».

в этом западно-европейском смысле перечисленные в проекте политические и экономические требования, в целом, ближайшими названы быть не могут, ибо ни в пределах самодержавного строя, ни в самый момент низвержения его, «последовательно, полно и прочно» эти требования осуществлены быть не могут, и только форма правового государства сделает возможным предъявление их как ближайших. Поэтому для Р. С.-Д. Р. П. ближайшей политической целью будет самое осуществление правового государства, в пределах которого и могут быть осуществлены минимальные экономические и остальные политические требования, до требования демократической республики включительно, что и должно быть оговорено в программе.

Что касается самих требований, то, не рассматривая их детально, группа тем не менее предлагает: 1) дополнить их пунктом об амнистии государственных преступников и прекращении всех политических дел, самое возникновение которых обязано существованию уничтоженного режима, и 2) вообще пересмотреть их, пополнив существенные пробелы (напр. организации суда, администрации, местного самоуправления и проч.).

Присоединяясь в общем к предложенной программе, группа особо выделяет аграрную программу. Вполне

подробно, со знанием дела и с глубокой симпатией знакомит немецких товарищей с перипетиями русской революционной борьбы», с своей стороны замечает (см. «Vorwaerts» от 30 авг.): «Мы не отметили этих сообщений («боевой организации») потому, что нам казалось, — они слишком явственно носят печать неправдоподобия. Если существует террористический комитет, по поручению которого совершаются в России политические покушения, то он будет тщательно избегать попасть в крайне стеснительное положение, распространяя подобные сенсационные сообщения»...

Нет сомнения, стремительно-хаотический рост вовлекает в водоворот движения накупив неразбирающихся и неразборчивых элементов. Русскому революционеру начинает угрожать серьезная опасность — быть скомпрометированным и лишиться того ореола доверия, которым доньше окружала имя его приходящая в сознание масса. Бесполезно замалчивать, надо бороться. Невозможно ждать до тех пор, пока вражья рука ткнет перстом в обнаженные язвы.

Вот почему русская социал-демократия, не колеблясь, во всеуслышанье скажет: прочь «беллетристику»! и да будет им стыдно!

[А. Потресов]

К ВОПРОСУ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ БАЦИЛЛАХ.

(Размышления на бактериологическую тему.)

Хлопотам науки с микроорганизмами не предвидится конца. Страшно подумать, сколько неимоверных усилий, сколько казенных денег, сколько хитрости, изобретательности, коварства человеческого ума потрачено было на борьбу с этими микроскопическими существами. «Лови микроба», — кричали нам на всех перекрестках, — «лови

признавая важное значение аграрной программы в программе всякой русской революционной партии, тем более в программе партии, представляющей интересы трудящихся масс, группа полагает, что и в вопросе о крестьянстве должно руководствоваться основными научными положениями и общими принципами соц.-демократической программы. Поэтому национализацию земли она признает конечным пунктом аграрной программы, как вообще обобществление средств производства конечным пунктом всей социал-демократической программы. Отдельные частичные аграрные мероприятия, идущие вразрез с этой целью, тем самым группой отвергаются.

Что же касается ближайших требований аграрной программы, предложенной «Искрой», то часть ее (пункты I и II), представляющую детальное развитие общедемократической программы (уничтожение сословий, равноправность всех граждан, прогрессивный подоходный налог, свобода передвижения и промыслов), группа вполне признает и считает целесообразным особое выделение ее. С пунктами же III и IV группа согласиться не может, ибо лежащий в основе их принцип исправления исторической несправедливости основным принципом революционной партии, — стремящейся подготовить условия будущего, а не исправлять ошибки прошлого, — признан

бациллу», и у нас не будет ни голодных тифов, ни чумы, ни холеры, ни чумы, ни болезней вообще. А оправдались ли эти розовые мечты?

Благодаря самым утонченным ухищрениям бактериологической тактики, правда, удастся с грехом пополам усмирить тот или другой вид не особенно строптивых бацилл, но зато сколько еще остается упорных, закоренелых, живучих, приводящих в отчаяние самых искусных бактериологов...

Сколько, например, ни старались истребить революционную бациллу, а она, злодейка, живет, развивается, растет, множится, разбрасывает по всему свету миллионы своих спор и вызывает такое поистине грандиозное брожение, что весь синклит докторов, магистров и профессоров полицейской бактериологии теряет голову и решительно бессилен приостановить быстрый ход разрушительного процесса...

Чем обуславливается специфическая энергия этих своеобразных микроорганизмов, каковы их физиологические и психические особенности и какие меры должны считаться наиболее целесообразными для их поголовного истребления, — вот те вопросы самой животрепещущей злобы дня, которые разрабатываются теперь в специальной санитарной комиссии департамента полиции под председательством г. Плеве.

Читатели «Искры», принадлежащие к категории самых зловредных ортодоксальных бацилл, надеюсь, не будут на меня в претензии, если я предприму маленькую экскурсию в область отечественной бактериологии и поделюсь с ними некоторыми соображениями о новейших течениях в этой, ныне модной, науке бессмертного Пастера.

Г. Плеве, известный своими трудами по истреблению революционных бацилл народовольческой эпохи, выпустил лет 20 тому назад книгу под заглавием «Русская революционная бацилла и борьба с ней», посвященную спе-

циалистам, работавшим под его руководством в департаменте полиции. Очень жаль, что эта замечательная книга, производившая в свое время большую сенсацию в мире бактериологов, изъята теперь из продажи и недоступна профанам. Она бросает яркий свет на господствующие в официальной науке взгляды, — и революционной бацилле, право, не мешает знать, что про нее пишут авторитеты официальной бактериологии.

Вот заключительные тезисы этого ученого трактата:

1) Жизнеспособность и живучесть нераскаившихся революционных бацилл объясняется, главным образом, их специфическими революционными свойствами и в значительной степени их семитическим происхождением.

2) Число имеющихся в наличности по всей империи настоящих революционных бацилл весьма ограничено.

3) Смерть через повешение каждой такой революционной бациллы является самым безупречным средством против брожения вообще и потрясения основ в особенности.

Не входя в обсуждение и оценку этих тезисов, я констатирую прежде всего тот несомненный факт, что эти руководящие начала в борьбе с революционными бациллами, составлявшие квинт-эссенцию официальной бактериологической мудрости начала восьмидесятых годов, сохранили свою полную силу вплоть до наших дней. А, между тем, как раз за это последнее двадцатилетие быстрый рост бактериологических знаний как в России, так и в Западной Европе произвел такой переворот в наших основных воззрениях на бациллу, на ее роль в процессах брожения, на среду и законы ее эволюции и т. д., что пришлось перевернуть вверх дном все здание научной бактериологии. Никому из серьезных бактериологов нашего времени не придет, например, в голову та дикая мысль, что можно приостановить раз начавшееся химическое брожение, подвергнув смертной казни каждую бациллу в отдельности и оставляя ее питательную среду

быть не может. Исходя из этого принципа, партия не должна бы остановиться перед частичным исправлением (возвращением выкупных платежей и прирезков), но потребовать возвращения всей помещичьей земли, всех когда-либо уплаченных косвенных и иных налогов (как подушные подати мещанства) и проч. В частности, проведение требования, с одной стороны, содействовало бы укреплению частной собственности (и притом ее наилучшего вида — мелкой собственности), следовательно, пришло бы в противоречие с нашим основным принципом; с другой — практически явилось бы наименее пригодным (и даже не вполне справедливым) pallиативом, распространяющимся не на все крестьянство и не устраняющим основной причины крестьянских бедствий — малоземелья. Выставление этих двух пунктов (III и IV) могло бы оправдываться чисто практическими соображениями — интересами агитации, стремящейся найти доступ к крестьянину и потому избирающей в качестве боевого лозунга излюбленный пункт его мечтаний. Но группа полагает, что именно интересы социал-демократической агитации заставляют не приспосабливаться к наличной психологии трудящихся масс, но всячески расширять и углублять ее. Со всех этих точек зрения (принципиальности, практической осуществимости и радикальности и интересов

агитации) группа находит более целесообразным на место III и IV пунктов вставить приведенный ниже III.

Предпосланный же перечислению требований текст группа предлагает изменить, согласно сделанным замечаниям. Таким образом, вся аграрная программа представится в следующем виде:

Устранения всех остатков крепостного порядка, тяглым гнетом лежащих на крестьянах, и всех препятствий к свободному развитию классовой борьбы в деревне партия достигает путем проведения своей демократической программы, требуя в частности:

I. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также и всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

II. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении земель.

III. Отдачи в долгосрочную аренду крестьянским обществам и отдельным крестьянам государственных, удельных и монастырских земель; покупки за счет государства для той же цели частновладельческих земель; сосредоточения операций как по покупке, так и по раздаче земель крестьянам в руках органов местного самоуправления; установления определенных условий аренды, ограничивающих количество государственной земли, приходящейся

при тех же условиях неустойчивого химического равновесия, при той же восприимчивости к бациллярному яду и т. д.

Всякий теперь понимает, что раз среда остается та же, то достаточно малейшего зародыша, чтобы процесс заиграл снова; что как ни храбрись, — всех зародышей не перебеешь, что было бы болото — черти всегда найдутся, и т. д., да мало ли что можно еще сказать...

Но я не имею ни малейшей охоты полемизировать с г. Плеве и предоставляю это моему либеральному коллеге из «Освобождения» г. Струве, который имеет в запасе целый букет самых веских аргументов. «И в этом акте, — пишет г. Струве по поводу казни Балмашева, — сказало либо опять-таки полнейшее бессмыслие, либо явная безнравственная и отвратительная задняя мысль. Смертною казнью Балмашевых не устрашишь и не отпугнешь от террористических действий. Наоборот, такие казни только усиливают общественное настроение, в атмосфере которого зреют террористические планы; эти казни не способ устрашения, а метод провокации. И если правительство, прибегая к казням, действует так не по бессмыслию, а вполне осмысленно, то, очевидно, оно рассчитывает, всячески провоцируя террор, вызвать общественную реакцию и таким образом остановить освободительное движение». Это совершенно справедливо. Г. Струве отгадал черную заднюю мысль правительства, только напрасно он так осторожен и нерешителен, и напрасно он портит свою прекрасную формулировку правительственной мысли этими совсем неуместными «либо» да «если». Неужели его смущает то обстоятельство, что эта задняя мысль «явно безнравственная и отвратительная»? Г. Плеве, поверьте, этим не смущается; эта старая полицейская крыса прекрасно знает что делает. Нет, он действует не по «бессмыслию», он остается верным своему любимому основному тезису, и он не остановится ни пред какой провокацией, чтобы приложить

его на практике... Удастся ли этому испытанному заплечных дел мастеру затормозить на время быстрый ход революционного брожения? Не думаем. Многое зависит от тебя, — о, родная бацилла, — от ясности твоего революционного сознания, от правильного понимания твоей роли в процессе революционного брожения, от твоей организованности, от твоего единодушия, от твоей энергичной воли...

О, я знаю, хорошие люди и плохие музыканты поют тебе теперь дифирамбы, воспевают твою «готовность» пойти по пути великомучеников, радостно отдающих свою жизнь в поединке с самодержавием; я не меньше их благоволю перед героизмом твоего чистого сердца, но не возгордись, бацилла, и твердо помни, что ты только тогда — титаническая, грозная сила, когда ты связана с массой пробуждающегося к жизни пролетариата, жаждущего героических подвигов; изолированная, отрезанная от твоей «среды» — ты никому не страшна...

Старый испытанный в бою боец Либкнехт³ имел обыкновение отвечать анархистам, пристававшим к нему с вопросом: почему он, старый революционер, не восхищается их героическими подвигами, — следующими словами: *Die Faust, meine Freunde, ist verteuert nothwendig, aber der Kopf muss dabei klar sein* *. О, да, боевые организации чертовски необходимы, нанести смертельные удары врагу крайне нужно, но поймите же, юные бациллы, что все это только тогда имеет смысл, когда эти героические действия совершаются на виду, в присутствии волнующейся революционной толпы, активно поддерживающей своих смелых застрельщиков. Эта революционная толпа, к счастью, уже появилась, и вам, рвущимся на бой революционным бациллам, ничего дру-

* Кулак чертовски необходим, друзья мои, но кроме того и в голове должно быть ясно.

на отдельного арендатора, обеспечивающих возможность ее обработки и гарантирующих высокую степень культуры.

IV. Устранение остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и других областях государства.

V. Предоставление судам права понижать непомерно высокие арендные цены и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

В заключение группа намечает ряд вопросов тактики, которые, по ее мнению, должны быть выяснены в программе тактики:

1) Деятельность среди городского пролетариата: а) отношение к экономической борьбе, б) отношение к легальным организациям рабочих, в) отношение к широким нелегальным организациям, г) способы политического воспитания и политической борьбы рабочего класса (демонстрации и пр.).

2) Деятельность среди крестьян, формы деятельности; отношение к крестьянским беспорядкам.

3) Деятельность в армии.

4) Деятельность совместно с другими оппозиционными группами; формы отношений.

5) Отношение к социалистическим группам других национальностей.

6) Вопрос о терроре.

По всем этим вопросам группа предполагает представить ряд соображений.

* * *

Поскольку товарищи, принявшие эту резолюцию, не согласны с нашим проектом программы, их несогласие сводится к двум пунктам:

1) Неправильная формулировка ближайших политических задач социал-демократии.

2) Непригодность §§ III и IV нашей аграрной программы.

Соображения группы о формулировке политической задачи русской рабочей партии, — как задачи «осуществления правового государства» без дальнейших определений (как данное нами: «республика на основе демократической конституции»), — представляются нам ошибочными.

Мы думаем, что в интересах того «отграничения» от других борющихся с царизмом партий, о котором упоминает Южная группа, мы должны формулировать свою ближайшую политическую задачу достаточно определенным образом. Мы должны дать рабочим точный ответ

гого не остается, как внести свою боевую организацию и свою революционную энергию в эту самую толпу.

Проповедывать же теперь анархический образ действия, — это значит действовать в руку гг. Плеве и их присным, бдящимся пуще огня массового характера революционного движения. Это до того ясно, что революционные бациллы, я в этом уверен, не поддадутся на эту удочку.

Заметьте, что я не строю себе никаких иллюзий. Я прекрасно знаю, что зверства царских опричников вызывают с железной необходимостью и будут вызывать и в будущем индивидуальные акты мести, но это ничего общего не имеет и иметь не может с действиями революционной партии. Это не способ борьбы, а симптом разлагающегося самодержавного строя. Борьба начинается там, где выступает революционная масса, и туда будут направлены все силы революционных бацилл.

[Ефрон]

ЧТО ДЕЛАТЬ?

От редакции. Предлагаемое письмо петербургского товарища касается жгучей темы — вопроса о том, как готовиться к внушительным политическим демонстрациям. Автор предпослал своей статье общее введение по вопросу о невозможности успешной экономической борьбы для русских рабочих, которое мы не помещаем здесь за недостатком места и в виду самостоятельного интереса главной темы статьи.

Взгляды автора, в общем совпадающие с нашими, сводятся к тому, что поглощение наших организаций экономической борьбой является невыгодным для партии и что основные условия развития русского рабочего движения требуют от нас сосредоточения главного внимания на борьбе за политическую свободу. От себя прибавим, что, таким образом, мы косвенно способствуем и успеху той экономической борьбы, которую приходится вести рабочим массам при всяких условиях: уступки в области

фабричного законодательства и т. п. делаются правительством тем охотнее, чем более грозной представляется ему опасность политического возмущения рабочих масс. Ценные указания, даваемые автором относительно недостаточности совершенной подготовки наших демонстраций, во многих пунктах совпадают с теми мыслями, которые по этому вопросу высказаны автором интересного очерка о киевской демонстрации 2 февраля, помещенного в 4 книжке «Зари». Можно только приветствовать, как признак революционной зрелости наших практиков — социал-демократов, тот факт, что частные неудачи нашей партии побуждают их еще более деятельно работать над усовершенствованием наших боевых приемов, а не следовать за теми, кто кричит о полной неудаче массовой политической борьбы и призывает «пополнить» ее вредной в настоящее время тактикой «единборства».

Товарищи!

Этот вопрос касается только нас, сознательных рабочих, студентов и интеллигентов; нам нужно приготовить людей, т. е. не всю массу, а по возможности, кто сколько может, к будущей демонстрации. Начнем с того, что у нас чуть ли не на каждом заводе или фабрике существуют кружки организованных рабочих, которые достают или получают литературу и распространяют ее между рабочими. В этих кружках каждый из нас должен говорить, что общий наш враг есть, главным образом, наше самодержавное правительство, что главная наша задача есть свержение самодержавия. Притом, раз мы доверяем им литературу, то мы должны и сойтись с этими людьми поближе для того, чтобы воодушевить их и постараться узнать их мнение, согласны ли они идти на демонстрацию; если же кто из них откажется, то того нужно постараться убедить и, если он не соглашается ни на какие доводы, то самое лучшее постепенно оставить его, но, конечно, не сразу. Мы должны помнить слова Лассалля, первого организатора немецкой социал-демократической партии: «Кто не за нас, тот против нас». И таким путем каждый из нас пусть приготовит для этого дела двоих или троих, а те, в свою очередь, также могут постараться. При этом те из организованных товарищей, которые состоят в кружках, должны готовить товарищей только от своего имени, не приобщая к этому других кружковых; собственно, каждый должен делать так, как будто один такой на заводе или на фабрике; так же должны поступать и те рабочие, которых вы знакомите с этим делом: они, в свою

на вопрос: какой политической формой должна быть заменена современная государственная форма, против которой мы боремся? Формула: «правовое государство» даст слишком общий ответ, и политическая агитация, которая ограничивалась бы такой формулой, не дала бы руководимым нами народным массам отчетливого представления о тех политических гарантиях, которые им необходимо отвоевать для свободной борьбы за свои классовые интересы. Точное определение требуемой нами конституции тем более необходимо для социал-демократии, что другие политические партии, со своей стороны, не ограничиваются простым требованием устранения самодержавия, а определяют основные черты желательного им «правового порядка», притом с той именно стороны, с какой этот порядок не удовлетворяет законных требований пролетариата. Так, «конституционалисты» в газете г. Струве настаивают на том, что дело установления конституции должно быть поручено непременно выборным от земских, — т. е. избранных на основе сословного и имущественного ценза, — собраний. И они совершенно основательно указывают, что характер того правового порядка, который будет установлен таким учредительным собранием, будет обусловлен его составом, т. е. что степень демократизма конституции, которая может

выйти из такого собрания, ограничена его классовым характером.

В виду свойственной всяким буржуазно-либеральным партиям склонности «смягчать» переход от самодержавия к правовому порядку и в силу этого соглашаться украсить последний всякого рода «ограничениями» и изъятиями, ведущими к сохранению в новом режиме многих учреждений и пережитков старого; в виду склонности мелкобуржуазных демократов пассивать перед подобными стремлениями либеральных буржуа, по соображениям «практического оппортунизма» («не раз'единять оппозицию из-за второстепенных вопросов» или, как это делает «Рев. Росс.» в № 9, говоря об органе г. Струве: «надо брать либералов такими, какими они есть»), — в виду всего этого партия пролетариата должна пропагандировать замену нынешнего порядка последовательной демократией. Только такой пропагандой она будет практически бороться против столь милого всяким буржуазным политикам затушевывания непримиримых противоречий между интересами народных масс и нынешними политическими учреждениями; только выставляя требование последовательной и всесторонней демократизации, она оградит народные массы от влияния лицемерных друзей свободы, которые под видом «правового порядка» будут рекомендовать

очередь, должны посвящать также только от своего имени и т. д. Эта предосторожность относится к провокаторам. Кружковые рабочие могут, конечно, время от времени собираться и сообщать друг другу о своих знакомствах, в виду того, чтобы каждый из кружковых при случае мог последить и за тем из рабочих, которого посвящает один из товарищей кружка. И вот таким путем мы можем раньше знать наши силы. Например, Рабочий Комитет за неделю делает запрос районным представителям: можно ли назначить демонстрацию на 20 апреля или на другое какое-либо число или месяц. Районные представители ответят с таким вопросом к кружковым представителям, а те в свою очередь к товарищам кружка. И каждый сознательный рабочий должен отдать верный отчет, сколько выйдет с ним на демонстрацию — двое или трое. Эти сведения нужно давать верно, не преувеличивать, не нужно совеститься, что один приготовил 8—10, а другой 1—3 или даже того нет. Помните, что от этого зависит весь наш успех, мы можем начать только тогда, когда мы верно знаем, что у нас есть сила, а если нет, то мы лучше отложим на время. Помните, если мы будем говорить вместо одного 5 и так вместо предлагаемых 200 явятся 40, что же тогда будет? Худший позор! Этот позор должен камнем лечь на тех, которые из стыда говорили вместо одного — 5. Затем, когда Комитет получит сведения от всех организованных рабочих о числе демонстрантов и найдет возможным выйти на демонстрацию, тогда на нашей обязанности лежит: 1) выпустить прокламацию не раньше 2-х или 1 дня к призыву рабочей массы и также учащейся молодежи выйти на демонстрацию на известное место. 2) Назначить известное место (угол или № дома) для каждого завода или фабрики отдельно, если только кучка демонстрантов будет человек в сорок; если же менее, то можно назначить одно место для двух заводов. Каждая кучка должна знать еще одно-два места на случай, если будет разогнана. Это, конечно, нужно передать на словах представителям, а те, в свою очередь, передадут организованным рабочим и т. д. Деление на кучки важно потому, что каждый сознательный рабочий приходит в назначенное место и видит своих товарищей, знакомых по заводу, он видит в них не любопытных зрителей, а своих единомышленников, в нем прибавляется бодрость и сила; он знает, что если нужно, то эти товарищи могут и постоять за него; затем еще потому, что таких кучек, предположим 10 — 12, полиция во всяком случае не

будет настолько осведомлена, чтобы сразу напасть на эти кучки. Допустим она нападет на 5, а остальные 5 все-таки будут держаться, когда же она бросится на остальные 5, то первые в это время могут сойтись в другом назначенном месте и т. д.

Но представим себе, напротив, что мы оставим демонстрацию по-старому, как было 3 марта 1902 г. или 1 мая. Напр., 3 марта рабочих было много, которые сочувствовали этому делу, но что они могли сделать? Решительно ничего. Многие из них даже не знали места, где должна была происходить демонстрация, во 2-х, они разрознены толпой совершенно незнакомых лиц, в которой масса шпионов, за одно слово человек должен попасть в предвараилку и никто за него не постоит, чтобы отбить его от полиции, потому что каждый боится, каждый знает, что он один среди чуждой ему толпы. Так же и на 1 мая: вышли рабочие в довольно-таки порядочном числе, погуляли с 8—10 часов и ушли по домам ни с чем, потому что каждый отдельно боялся начинать. Теперь, кажется, всем известно, что рабочий Обуховского завода, знаменщик, хотел выкинуть знамя у Гостиного Двора, но, между прочим, шпионы и полиция заметили это прежде, чем рабочий успел это сделать, кинулись на него... он, было, бежать, но они с криками: «держи! карманник!» за ним. Рабочие заметили эту суматоху, конечно, бросились бежать туда с криком, со свистом, даже послышались крики: «ура!», но, когда подбежали к месту и слышат крики: «держи карманника!», то сразу все как-то почувствовали себя неловко, они надеялись увидеть тут совсем другое, а не ловлю карманника. Полиция просила разойтись, что, к ее удовольствию, было исполнено. Итак, рабочие остались в дураках перед самими собой, когда не могли воспользоваться тем, что собралась кучка и могла бы произойти демонстрация.

Так вот видите, товарищи, весь успех будущей демонстрации зависит от нашей организации. Но мы, ведь, вполне можем надеяться еще на солидарность с нами учащейся молодежи и на полное сочувствие массы; если только мы будем так организованы, в нас будет сила, которую не в состоянии разогнать жандармерия и полиция. Еще раз говорю, в нас будет сила, наши десятки знамен будут развеваться не по 10 или 20 минут, а по несколько часов или по целому дню. Наши требования («дойлой самодержавие!», «8-часовой рабочий день и политическая свобода») будут раздаваться не 10—20 мин., а

народу позолоченный и подновленный абсолютизм (вроде «лорис-меликовской конституции»).

Пропагандируя республиканскую политическую программу (самодержавие народа, всеобщее и равное избирательное право), мы тем самым боремся за возможность проведения тех социальных реформ, которых осуществление необходимо для прочного успеха политического переворота, долженствующего возродить нашу родину. Чем полнее и решительнее будут проведены эти реформы, тем менее возможна станет «контр-революция». А полное и решительное проведение этих реформ требует не просто «правового порядка», а именно демократически-республиканских учреждений. Поэтому крайний радикализм в формулировке наших политических задач оправдывается и практическими соображениями об успехе «общенациональной» борьбы за свободу.

С другой стороны, наши социальные требования, предъявляемые нами к современному строю, должны быть сформулированы так, чтобы требовать для своего осуществления, как неизбежного условия, решительного разрыва с нынешним политическим режимом. В противном случае мы всегда рискуем тем, что недостаточно радикальные социальные реформы, пропагандируемые нами, послужат в руках реакционеров средством отвращения

известного слоя народных масс от дела революции, орудием примирения народной массы с господствующим режимом. Руководясь основным принципом содействия развитию классовой борьбы и коренного устранения всех пережитков крепостных отношений и делая из этого принципа все выводы, мы и строим свою социальную программу ближайших задач так, чтобы сделать ее неприемлемой ни для какого реакционера или якобы либерала. Социальный радикализм нашей программы-минимум, таким образом, является также одной из гарантий успеха борьбы за свободу.

С этой точки зрения мы должны — совершенно безотносительно к тому пункту нашей программы, который предполагается отменить — отрицательно отнестись к § III в проекте аграрных требований, предлагаемом южными товарищами. Отдача государственных земель в долгосрочную аренду крестьянам и покупка государством в этих видах частных имений, — это такие меры, которые, без сомнения, напишут на своем знамени консервативные и либеральные социал-реформаторы и которые не помогут ни устранению пережитков крепостного права, ни развитию классовой борьбы в деревне.

Разбирать возражения южных товарищей на нашу аграрную программу мы здесь не станем. Защита этой

также целый день и притом же наши знаменщики и передовые люди будут целы. Мы не дадим их в руки полиции, отобьем их и спрячем между собою. И еще: при такой организованной силе мы можем требовать не только словами, но и действием. В нас, рабочих, — вся сила. Мы содержим царя и министров, мы содержим богачей-кроволийцев, мы содержим попов-тунеядцев, мы солдат — своих же братьев — даем для царя и содержим для них генералов и содержим для их же пользы целую свору паразитов, шпионов, жандармов. Долой дармоедов! Всем им сладко живется за нашей спиной. Так помните: в нас, рабочих, вся сила, так зачем же мы будем кормить дармоедов, целую свору, миллион негодяев?!

БЕСЕДА С «ДРУГОМ» - ЧИТАТЕЛЕМ.

Мы получили письмо за подписью «читателя-друга», вызванное передовой статьей № 23 «Искры» о полицейских насилиях над демонстрантами. Автор возмущен нашей статьей, которая рекомендует «отчаянное сопротивление со стороны всех тех, кому угрожает телесное наказание».

Вот что говорит он по этому поводу: «Люди, которых подвергли поруганию в застенке, были взяты на улице, во время демонстрации, их истязали за их стремление к свободе, за проявление классового самосознания, за солидарность с соц.-дем. партиями и их органами. Их дело — дело всего рабочего класса и революционных партий; их поругание — поругание всего пролетариата, всей социал-демократии». Поэтому «ответ на вопрос „как мстить“ должен был возложить долг мести на действующие организации, а не на самих и без того пострадавших товарищей»... «Искра» же «не видит надобности вмешательства действующих организаций. По крайней мере, она ни одним словом не обмолвилась, как поступать остающимся на свободе товарищам. Вся тяжесть мести и защиты своего человеческого достоинства возлагается на

самых заключенных...» «Господа, да, ведь, это похоже на издевательство! Ведь смешно говорить заключенному, которого держат 4 дюжих городских: „защитайся“. Если „Искра“ не находит решения вопроса в той или иной форме активного вмешательства организации, если она чувствует себя бессильной перед этим глубоко-трагическим вопросом... то пусть она будет искренней, пусть бросит красивые, но жалкие в данном случае слова о „геройской самозащите“, о „борьбе“, и тогда для всякого ясен будет единственный логический и психологический вывод из сделанной „Искрой“ постановки вопроса: „те, кому угрожает телесное наказание, должны сопротивляться... путем самоубийства!“» «Есть, господа, вопросы, на которые та или иная организация может оказаться не в силах дать в данную минуту удовлетворительный ответ, но из этого не следует, чтобы она имела нравственное право затыкать такую прореху первой попавшейся тряпкой. Предоставление арестованным и истязуемым рабочим управляться, как они сами знают, лишь бы прославлено было имя бога революции, лишь бы можно было факт их отчаянной борьбы использовать в агитационных и педагогических целях, — и есть именно такое затыкание дыр сомнительного качества тряпками».

В этом письме нас особенно поразило крайне невнимательное отношение его автора к нашей мысли. От «друга» мы могли бы ожидать несколько большего внимания.

Мы сказали, что если А будет сегодня оскорблен в участке, а Б завтра, послезавтра или вообще впоследствии убьет оскорбителя, то А вряд ли почувствует себя отомщенным. Мы ссылались на пример Боголюбова, тяжелое нравственное состояние которого не было, да и не могло быть рассеяно выстрелом Веры Засулич. Отсюда для нас сам собою следовал тот практический вывод, что мстить покушениями

последней дана нами в № 4 «Зари», которого товарищи не могли видеть в момент составления своей резолюции. В «Заре» мы разобрали главные возражения, предъявляемые к пункту о возвращении крестьянам «отрезков» и, в значительной степени, совпадающие с возражениями южных товарищей. Заметим только, что неверно предположение, будто авторы проекта программы в основу ее аграрной части ставили «принцип исправления исторической несправедливости» (см. «Заря» № 4, III, стр. 174). С другой стороны, неверно, будто осуществление требования возвращения отрезков и выкупных платежей означает «укрепление частной собственности (и притом ее наихудшего вида — мелкой собственности)», неверно по крайней мере в том смысле, в каком такое укрепление признается соц.-демократами реакционным стремлением. «Укреплять» мелкую собственность против развивающегося капитализма соц.-дем. не должны; освобождая эту мелкую собственность от тяготеющих над ней пережитков крепостных отношений, соц.-дем., напротив, способствуют ускорению процесса общественного развития и обострению классовых противоречий.

Что касается желания товарищей видеть в проекте программы формулировку основных начал тактики партии, то нам кажется, что эти основные начала даются теми положе-

ниями программы, которые говорят о характере конечной цели мирового движения пролетариата (интернационализм его; непримиримая противоположность интересов пролетариата интересам других классов; необходимость социальной революции), о революционных методах достижения этой цели (развитие классового самосознания пролетариата — организация его в самостоятельную политическую партию — диктатура пролетариата) и о национальной задаче русского пролетариата (завоевание политической свободы, устранение всех пережитков крепостных отношений, поддержка всех действительно освободительных движений). Конкретные же формы, в которых должны выразиться на практике эти основные начала, уместнее формулировать особыми резолюциями, которых проекты будут, без сомнения, представлены к будущему съезду партии.

[Л. Мартов] 4

значит избирать наименее действительный способ мести.

Если наш «друг» находит, что наши психологические соображения ошибочны, то ему следовало сказать и доказать это. Он этого не сделал. Почему? Потому, что он очень невнимательно, — совсем не по-дружески, — отнесся к нашему рассуждению и не понял, где лежит его исходная точка.

Мы снова обращаем внимание нашего «друга» на эту точку и просим его сказать прямо: счел ли бы он себя отомщенным, если бы, подвергшись истязанию розгами в участке, он услышал впоследствии, что его товарищи убили того или тех, по чьему приказанию истязание совершилось?

Мы думаем, что на этот вопрос можно дать только отрицательный ответ. Мы уверены, что и сам сердитый «друг» наш, чуточку подумав, тоже ответит на него отрицательно. А если наш сердитый «друг» ответит отрицательно, то он необходимо должен будет встать на нашу точку зрения... и сменить гнев на милость...

Далее. Если когда-нибудь нашему сердитому «другу» будут угрожать полицейские розги, то мы уверены, что он, не уповав ни на какие последующие действия оставшихся на свободе товарищей, скажет себе, что ему остается именно то, и только то, на что указывала «Искра», т. е. сопротивление палачам, сопротивление во что бы то ни стало, сопротивление до последних сил, до последнего издыхания. И говоря себе это, он будет гораздо дальше, чем когда-либо, от всякой мысли об издевательствах над самим собою. Напротив, сознание своего человеческого достоинства и сознание необходимости отстаивать это достоинство достигнут у него тогда высшей степени ясности.

Наш «друг» думает, что сопротивление невозможно. Он думает так потому, что не знает истории нашего движения.

К лучшим, наиболее ободряющим страницам нашей истории принадлежит то сопротивление наших арестованных товарищей самодурству тюремного начальства, та «борьба в тюрьме», о которой говорит Вера Засулич в первой книжке «Зари». Издевается над товарищами не тот, кто советует продолжать эту борьбу, а тот, кто заговаривает об ее невозможности. Неужели нескольких пучков розог достаточно для того, чтобы разбить энергию русских революционеров?

Издевается над товарищами не тот, кто говорит им: «У вас есть выход; вы можете отстоять свое достоинство энергичной борьбой», — а тот, кто говорит им: «Ваше положение безвыходно; вы ничего не можете сделать для самозащиты; но на свободе у вас найдутся самоотверженные товарищи, которые отомстят за вас».

Пассивная толпа, покорно лежащая под розги, и самоотверженные герои, мстящие за эти розги, вот в каком виде представился бы нам состав нашей партии, если бы был прав автор письма. А так как история делается не единицами, то в этом зрелище было бы очень мало привлекательного. К счастью, наш автор жестоко ошибается: героическое настроение перестает быть уделом единиц; масса становится все более и более

активной, и ее арестованные полицией представители сумеют постоять за себя в участке.

Мы указывали на шлиссельбургских узников, которых можно было убить, — говорили мы, — но нельзя наказывать розгами. Наш «друг» мог не согласиться с нами, но он не имел права обойти этот довод молчанием. Почему же он обошел его? Он не вдумался в его значение, он невнимательно, — повторяем, совсем не по-дружески, — прочитал нашу статью. И только потому, что он невнимательно прочитал ее, он вообразил, что «Искра» чувствует себя бессильной перед вопросом о полицейских розгах. Как бы не так! Наш «друг», очевидно, проникнут взглядами наших противников: он думает, что если мы не рекомендуем террора, то значит мы не рекомендуем ровно ничего. Но от такого взгляда давно пора отделиться, потому что, если бы такой невероятной узкий взгляд сделался общим достоянием наших революционеров, то мы никогда не пришли бы к победе.

А что делать остающимся на свободе товарищам? Что делать тем организациям, арестованным представителям которых придется «до последнего издыхания» отстаивать свое достоинство в участках?

Им надо делать то, что они делали до сих пор: развигивать классовое (т. е., следовательно, и политическое) самосознание массы; способствовать росту массового движения в ширь и вглубь; всеми зависящими от них силами ускорять наступление того момента, когда одного слуха о том, что в участке истязуют арестованных демонстрантов, будет достаточно для того, чтобы эти притоны полицейских разбойников были осаждены грозными толпами рабочего народа; усиливать свою собственную партийную организацию до той степени, на которой она сможет повести эти грозные толпы к победе.

Говоря это, мы, — в интересах нашего невнимательного «друга-читателя», — ставим точку над *i* в нашем ответе на вопрос: как мстить? Раздраженный «друг» не понял этого ответа; мы разъясняем ему нашу мысль и, расставаясь с ним, мы говорим ему с полнейшим убеждением: указанный способ мести есть единственный способ, достойный тех людей, которые принадлежат к серьезной политической партии, а не составляют простого общества взаимного отмщения.

Говорят, что Пугачев, исполняя в армии свою казацкую военную повинность, был высечен по приказанию начальства и что это унижение впервые заронило в его голову мысль о бунте. Не знаем, правда ли это; должно быть, это — простая выдумка. Но — *se non e vero e ben trovato* (если не верно, то хорошо придумано). Мсть *à la* Пугачев несравненно страшнее, чем мсть *à la* Лекерт.

[Г. Плеханов]

«Полицейские всех стран, соединяйтесь!».

Международно-шпионские услуги одного правительства другому дело довольно обычное. Услуги европейских полиций полиции русского самодержавия становятся все циничнее по мере того, как растущая сила рабочего класса в зап.-европейских странах делает невозможным для их правительств систематическое преследование соб-

ственных «внутренних врагов». Воспитанные долгим «подбором», инстинкты охоты за человеком ищут себе применение в деле добровольной травли «подданных» того правительства, которое еще удерживает в своих руках право неограниченного преследования всякой свободной мысли. Положение русских, живущих за границей, становится все более необеспеченным от полицейского насилия. И всего хуже обстоит дело в Германии.

Нельзя, впрочем, умолчать о том, что усердием немецких полицейских не всегда руководит одно только бескорыстное служение идее международной солидарности шпионов. В своих воспоминаниях * Л. Г. Дейч, подло выданный в 1885 г. германским правительством России, рассказывает о том, как немецкие чиновники, участвовавшие в этом деле, интересовались вопросом о вещественной награде, которую они получают от русского правительства.

Мы не знаем, кому из немцев достанутся 30 серебряных за выдачу бывшего студента Калаева, арестованного недавно в Мысловицах (Пруссия). Знаем только, что все прежние случаи предательских услуг германского правительства русскому (Дейч, Гр. Гуковский, Славинский, Владисл. Анелевский) ** бледнеют перед наглостью, беззаконным и истинно-русским произволом дела Калаева.

Платон Калаев отправился из Австрии в Берлин. На прусской границе таможенный чиновник подсмотрел в его вешах русские издания. Он пригласил жандарма, который и арестовал Калаева. Последний был показан вызванному для того жандармскому офицеру (русская граница находится вблизи от Мыслович) и затем отвезен к русской границе, где его и приняли русские жандармы.

Когда германские социал-демократические газеты забили тревогу, реакционная печать стала утверждать, что Калаев-де выдан как соучастник Балмашева. Но долго настаивать на этой лжи было невозможно, и правительство поспешило с полуофициальным разъяснением, представляющим любопытный образец той смеси цинизма и трусости, изустности и грубости, которой проникнута политика нынешних германских правителей.

Северно, заявляется в этом разъяснении, что Калаев был «выдан» России. Для «выдачи» его не было никаких законных оснований. Но он был задержан с русскими изданиями анархического содержания и, как анархист, выслан на родину, в Россию. Только и всего.

Не выдан, а выслан! Но выслан не туда, куда он хотел ехать из гостеприимной Германии, а туда, где его ждали предупрежденные о его «высылке» русские жандармы.

Мы почтительно просим германское правительство назвать нам те издания, которые были найдены при Калаеве. Тогда публика увидит, о каком «анархизме» идет здесь речь. С своей стороны мы категорически утверждаем, что, по собранным нами вполне достоверным сведениям, Калаев ничего общего не имеет не только с анархизмом, но и с русским терроризмом, который, в свою очередь, далек от анархизма. Мы утверждаем, что, как нам теперь доподлинно известно, Калаев — принципиальный противник русского терроризма.

Разумеется, факт выдачи русского социалиста не стал бы менее подлым от того, что был бы применен к стороннику террора или принципиальному анархисту. Но характерна эта ложь, употребляемая для возбуждения в немецкой публике сочувствия к проявлениям самого недостойного пресмыкательства немецких правителей перед русским самодержавием. И такая ложь применяется впервые. Замученный 10-летней пыткой несчастный Григорий Гуковский был арестован в Аахене в 1889 г. по лживому обвинению в участии в террористических предприятиях, несмотря на то, что он был социал-демократом и стоял в стороне от террористических групп.

Наши немецкие товарищи, без сомнения, поднимут в рейхстаге запрос о поведении немецких властей в деле Калаева. Нам же только остается пожелать германскому

* Они будут изданы на русском и немецком языках.

** Кстати заметим, что германскому правительству везет в его травле иностранных социалистов. Из перечисленных нами лиц студент Гуковский и польский каменщик Анелевский после 5 лет тюрьмы и нескольких лет Сибирской ссылки покончили с собой в 1899 году.

народу поскорее избавиться от тяготеющего над ним ига прусских дворянчиков — Бюловых и Позадовских — которые у себя на родине травят славян-поляков и в то же время пресмыкаются перед монгольско-славянскими сапожниками Романовых.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОБЕГ ИЗ КИЕВСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Через несколько дней после варварского избиения политических заключенных в Одесской тюрьме социал-демократии удалось «наказать» правительство освобождением из Киевской тюрьмы 11 «важных преступников». Побег совершился 18 августа, через 3 недели после удачного освобождения из-под ареста в Екатеринославе Бабушкина и Горвица (см. № 24).

В феврале нынешнего года, в самый разгар демонстраций, по всей России были произведены сотни арестов. Между прочим, не менее тридцати человек, арестованных в разных концах России по делу «Искры», было свезено в Киевскую тюрьму, так как «знаменитый» жандарм Новицкий был уполномочен вести следствие по делу о нашей организации. В числе этих товарищей были: Лев Гальперин, бывший уже в ссылке в Астраханской губ.; Виктор Крохмаль, вернувшийся из Уфимской ссылки в 1900 г.; Иосиф Тарсис, портной, арестованный в Вильне, и двое нелегальных — Николай Бауман, ветеринар-врач, сосланный в 1898 г. в Вятскую губ. по делу Спб. Союза Борьбы и бежавший из ссылки через год, и Иосиф Басовский (впервые привлекался в Одессе в 1897 г.).

В марте к тому же делу присоединен наборщик Иосиф Блуменфельд, взятый на границе с германским паспортом (был в 1886 г. изгнан из России), а в апреле — Бор. Мальцман, арестованный в Теофиополе, Волынской губ., где состоял под надзором. Эти семь лиц, на которых концентрировались главные обвинения по делу «Искры», и бежали вместе с ветеринаром, врачом Владимиром Бобровским, обвинявшимся в организации киевской демонстрации 2 февраля, и еще тремя товарищами, сидевшими уже более года (с апр.—мая 1901 г.): Марианом Гурским, М. Валахом и Болеславом Плесским (первые двое по делу Киевского Комитета Партии, а последний по делу Партии Соц. Рев.). О самых подробностях побега участники его сообщают следующее:

«Орудиями» побега послужили сшитая из разрезанных простынь лестница и полупудовый якорь. Как последний очутился в руках бежавших — это, конечно, секрет организаторов побега. 18 авг. вечером, когда заключенные гуляли по двору около стены, несколько из них напали на стоявшего вблизи часового, забили ему рот и связали его по рукам и ногам. Операция проделана была не вполне совершенно, так что солдат мог несколько раз крикнуть: «Ратуйте, ратуйте!» К счастью, заглушенный крик его не был услышан. Пока одни возились с часовым, другие образовали «живую пирамиду», верхний конец которой доходил почти до верхних стен. Отсюда не трудно было взлезть на стену и прикрепить якорь, к которому с одной стороны была привязана лестница, а с другой — веревка, по которой спустились вниз. Через десять минут после того, как благополучно спустился последний из беглецов, из тюрьмы раздался выстрел, означавший тревогу. Бежавшие направились в разные стороны.

Немедленно во все концы России дано было циркулярно извещение о побеге и сообщены приметы бежавших. Двое из последних через несколько дней попали в руки полиции, но через короткое время освободились... каким путем, об этом умолчим, дабы не компрометировать того урядника, который, наверно, никому не рассказывает, как он упустил двоих из «одинадцати».

Не обошлось и без курьезов: двое бежавших пролежали целые сутки в поле недалеко от тюрьмы и имели удовольствие видеть суету, поднятую надзирателями после того, как они хватились.

После того, как беглецы были доставлены «по назначению» (часть уже находится за границей), Киевский Комитет Партии и организация «Искры» издали сообща (печатную) прокламацию (от 27 августа), из которой извлекаем следующие строки:

«Сидение по 2—3 года в тюрьме, долголетнее прозябание в далекой ссылке не может иметь места в настоящее время, когда все кипит, все волнуется, когда каждый революционный работник имеет перед собой широкое поле для плодотворнейшей деятельности. Побег из Сибири и тюрем учащаются и начинают принимать массовый характер. При чем беглецов вынуждают к этому не тяжести ссылки и тюремной жизни, а жажда кипучей деятельности, желание принять снова участие в горячей борьбе переживаемого момента. И вот в вечер 18 августа из Киевской тюрьмы был совершен чрезвычайно смелый и остроумный по замыслу побег 11 человек (следуют фамилии). При этом организацией были употреблены все усилия, чтобы бегство обошлось без малейшей капли крови со стороны тюремной стражи, что, к счастью, и увенчалось полным успехом. Кроме средств, отпущенных из соответственных сумм организации, было собрано с этой специальной целью среди общества — 1.795 руб.

«Все это за крайне малый промежуток времени. Цель отовсюду вызвала живейшее сочувствие и энтузиазм, что наиболее ярко указывает на то враждебное отношение, которое встречает русское правительство. Киевский Комитет и организация „Искры“ считают нужным в особенности отметить чрезвычайно ценное участие общества, выразившееся в полном содействии многим важным конспиративным мероприятиям настоящего дела. Только при полном сочувствии всех честно мыслящих общественных элементов возможна победа над русским самодержавием, а это сочувствие мы видим только на стороне революционной партии.

«Да здравствует рабочее дело!

«Киевский Комитет и организация „Искры“ Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Киев, 27 августа 1902 года».

Прибавим, с своей стороны, что возвращение посланных и заключенных революционеров в ряды действующей армии потребовало от нашей организации и будет еще требовать больших денежных средств. Читатель представляет себе, что значит работа «на нелегальном положении». Организация «Искры» надеется, что лица, сочувствующие ее деятельности, дадут ей возможность обеспечить этой работе благоприятные условия. Только при энергичной поддержке со стороны всех, сознающих настоятельную необходимость создания сильной революционной организации, сможет правильно функционировать такая организация, немислимая без значительного числа «нелегальных».

Побоище в Одесской тюрьме.

В ряде сообщений из Одессы нам пишут о сценах, разыгравшихся в местной тюрьме в начале августа. Около 150 политических заключенных мужчин постепенно пришло к «голодовке», требуя, чтобы их товарищ, бывший студент Кочурьян, заболевший двусторонним плевритом, был перевезен в больницу вне тюрьмы для производства операции (на этом настаивал тюремный врач Стадлицкий, но комиссия из полиц. врачей постановила считать К. здоровым; Стадлицкий в виде протеста вышел в отставку). В тюрьму были введены две роты солдат, к заключенным применены разные репрессивные меры. На 11 день голодовки несколько мнимых «зачинщиков» были увезены в один из участков. Товарищ Гинзбург (арестов. в Елисаветграде в феврале 1902 года) отказался пойти добровольно, его стали «тащить». Гинзбург оказал весьма энергичное сопротивление: несмотря на долгое голодание, он один оборонялся против нескольких палачей, которые наносили ему жестокие удары. В глубоком обмороке он был вытаскен в коридор. Сцена в камере Гинзбурга вызвала «бунт» во всей мужской тюрьме: заключенные уничтожили все в камерах, стучали... В ответ на это разъяренная свора солдат и надзирателей ворвалась в оди-

ночки и стала производить методическое избиение. Одному заключенному (туберкулезному) болгарину пробили ключами голову, пострадали еще Штернберг, И. Ройзман, рабочий Анисимов и другие. Некоторые покушались на самоубийство, но неудачно... Заключенные женщины разбили стекла и стали звать на помощь. Все это вызвало страшное возбуждение среди уголовных арестантов, которые произвели разгром в своих камерах и бросали тяжелыми предметами в солдат и надзирателей.

Всей бойней распоряжались бывшие в тюрьме тов. прокурора палаты Поллан и исп. должн. градоначальника Старков. Бойня была подготовлена — был наряжен усиленный состав тюремной стражи. Все это происходило 7 августа.

Результаты этой «Варфоломеевской ночи» таковы: 35 человек развезены по провинциальным тюрьмам: в Ломжу, Седлец, Вильну и Гродну, оставшимся даны некоторые «послабления», уголовные же подверглись варварской порке.

В письме одного заключенного указывается на то, что местные организации слишком поздно — уже через несколько дней после избиения — издали прокламацию по этому поводу, а между тем, общество с самого начала голодовки было в напряженном настроении. С другой стороны, социалисты-революционеры в одном листке (из матер. «Рев. Росс.» № 74) сопровождают свой рассказ такими словами: «больные, истерзанные и униженные, они ждут, что рука карающая заглядит новые раны». Мы думаем, что соц.-рев. опять «не в то место попадают». Найдется ли карающая рука, чтобы ответить за насилие «Варфоломеевской ночи» или нет — эти насилия останутся совершенными и повторение их в другом месте — одинаково возможным... до тех пор, конечно, пока будет продолжаться нынешний режим. Вместо того, чтобы толковать о «карающей руке», следовало бы подумать о том, почему так часто местные революционные организации оказываются не в состоянии оказать поддержку акту протеста своих заключенных товарищей? А ведь только при такой поддержке «с воли» такие акты протеста смогут оказать серьезное агитационное влияние, и без такой поддержки все участвующие тюремные «голодовки» рискуют потерять значение, как средства вынудить у притерпевшегося к ним начальства какие-либо уступки.

Странное дело: вечно толкуют нам о возможности — даже при терроре — сохранить связь революционеров с массой, а между тем, каждый раз, как практика показывает «маленькие недостатки механизма», действующего на массы, мы слышим вздыхания о «карающей руке».

С своей стороны, мы еще раз скажем товарищам: развивайте организацию, усиливайте ее воздействие на широкие слои населения, и тогда акты «борьбы в тюрьме» станут тем, чем они должны быть, — эпизодами нашей борьбы «на воле».

В окрестностях Риги имеются городские земли, захваченные денежными тузами города. Обыкновенно эти тузы состоят и членами городского управления. Эти земли 30 лет тому назад представляли из себя или пустыню или болото. При начинающемся промышленном росте города и дороговизне жизни рабочим в городе являлось очень обаятельным приобрести «свой уголок» неподалеку от места работы. Это стремление обзавестись своим уголком было быстро понято владельцами капиталов, и городские земли были сняты ими в аренду на 99 лет и т. п. Уже от себя эти крупные владельцы стали сдавать эту землю рабочим — обыкновенно одно «пурное место» (½ десятины). При полном отсутствии возможности обзавестись своим углом как-либо иначе, рабочий быстро залез в лапы владельцев. Забыли о том, что земля отдана в аренду на сроки, гораздо меньшие, чем владельцам, что по истечении сроков владельцы имеют «законное право» повышать как угодно арендную плату, а при случае просто согнать арендаторов-рабочих. Началась деятельная работа по приведению в порядок снятых участков. В настоящее время уже нет ни пустырей, ни болот: все сравнено, осушено, унавожено; везде стоят домики с огородиком и садиком. Одновременно проснулись аппетиты гг. «владель-

цев», арендная плата быстро повысилась. Земли отдавали на таких условиях: три-четыре года бесплатно, а потом по 6 руб. за пурное место (сами владельцы платят по 6—9 руб. за десятину). В настоящее время тем, у кого кончается аренда, предлагают заключать новые контракты по 15—30 руб. за пурное место. В случае несогласия процесс очень прост: оценивают дом, приезжает пристав, описывают все и предлагают убраться. При упорном несогласии является полиция, дом ломают — и дело сделано. Встретившиеся рабочие начали подавать просьбы городу, чтобы сам город отдавал земли в аренду. Город ужаснулся отсутствию законности у рабочих: как можно просить отнять у владельцев землю, заарендованную ими на 99 лет (раз платят арендные деньги). Обратились с прошением на высочайшее имя. Увы! Высочайшее имя не отозвалось (хорошо еще, не выдрало нагайками!). А время шло, и никому не хотелось уходить с насиженных мест. В мае 1902 г. приехал к крестьянину Карлину судебный пристав с приказом выселиться с земли, арендуемой г. Гакеном (член управы). Крестьянин, поддерживаемый соседями, не уезжал. 4 июня явился пристав Цитович, 1 московского участка, 6 околоточных надзирателей, 40 пеших и 10 конных городовых. Собрались и соседи, человек 15; кроме того, собралась большая толпа народа — зрителей, явно сочувствующих выселяемому. На сопротивление полицейские ответили силой, били нагайками, кого попало. Пристав Цитович вышел полным победителем из боя, и, вероятно, этой его заслуги не забудут рижские рабочие.

13 июня предполагалось выселять крестьянина Зиверта с земли того же владельца. Отличившийся пристав естественно был во главе команды, усилившейся уже до 8 околоточных, 60 пеших и 10 конных городовых. Явились в 11 часов утра, истоптали все овощи в огороде, вынесли из дому мебель и начали ломать строение. Хозяина не было дома. Бревна и доски вывозили слуги Гакена в его усадьбу. Между полицией, насильничавшей над зрителями, и слугами Гакена, с одной стороны, и соседями выселяемого и публикой, с другой — поднялась драка. Был страшно избит крестьянин Янсон, ударивший вилой слугу Гакена. По приказу пьяного уже пристава, избитого крестьянина снова приволокли, снова били и бесчувственного отправили в участок. В доме, куда спрятался этот крестьянин, был страшно избит какой-то старик. Победа в 6 час. вечера снова за Цитовичем. Наступает очередь конца аренды других. Урок, данный полицией, надеемся, не пропадет даром. Вероятно, арендаторы теперь будут знать, что можно ждать от высочайшего имени.

От редакции. Обращаем внимание читателей на то, что факты, здесь описанные, не представляют чего-либо, знакомого одной только Риге. В массе русских городов происходит такая же, или подобная, беззастенчивая спекуляция общественными землями со стороны капиталистов, в руки которых самодержавие отдало заведывание городским хозяйством. Всюду можно отыскать глупое недовольство беднейших жителей города той эксплуатацией, которая вырастает на этой почве. Соц.-дем. организациям следует пользоваться всеми этими поводами недовольства и развить планомерный протест бесправного городского населения против современных «отцов города» и против полицейской системы, на которую они опираются.

Поучительные прения. В заседании Нижегородского Уездного Комитета о нуждах сельской промышленности зашла речь об отмене выкупных платежей — этой дани, которую уже 42 год уплачивают русские крестьяне за полученную ими часть их собственной земли. Предложение ходатайствовать об отмене было принято, однако, не без противодействия со стороны ревнителей помещичьих интересов. Один из них, г-н Н. Н. Каргер, заявил, что «отмена выкупных платежей несправедлива по принципу», а другой, г. Н. П. Шеглов, «указал, что часть крестьян в настоящее время уже выкупила свои наделы, и если остальным крестьянам простить (курсив наш) выкупные платежи, то этим выкупившимся крестьянам внешние ими платежи надо по справедливости возвратить».

Ценные указания для революционеров заключаются в этих помещичьих заявлениях. Да, это верно, что отмена выкупных платежей «несправедлива» с точки зрения «принципа»... принципа крепостного строя, того принципа, который положен был в основу препрославленной «крестьянской реформы» 1861 г. Этот крепостнический принцип требовал, чтобы сословие душевладельцев было вознаграждено за потерю «законного» права на львиную долю труда крестьян. Проведенный в положении 19 февраля, этот крепостнический принцип наложил свою печать на все дальнейшее развитие русской жизни, и выкупные платежи до сих пор служат как бы выражением этого крепостнического «принципа», принципа гражданского бесправия стомиллионной крестьянской массы, обложенной особыми платежами, судящейся особым (волостным) судом, подчиненной особым (земским) начальникам, ведущей свои хозяйственные дела на основании особых законов. Через 40 слишком лет после «освобождения» крестьян, последние являются в России не полноправными гражданами, а бывшими рабами, и выкупные платежи являются одной из печатей этого вчерашнего рабства.

Но то, что представляется «несправедливостью» с точки зрения крепостнического «принципа», то является требованием справедливости с точки зрения принципа демократического, принципа гражданского равенства, принципа личной свободы. И первым делом освобожденной России должно быть уравнивание крестьян в правах с остальными сословиями (следовательно, уничтожение сословий) и окончательное освобождение крестьян от крепостной зависимости, которая продолжает сказываться, между прочим, и в выкупных платежах.

Когда г-н Шеглов говорит, что несправедливо «прощать» крестьянам невыплаченную ими цену их освобождения от помещиков, он проговаривается очень удачным словечком. Да! Для помещиков и помещичьего правительства крестьяне все еще «виноваты» тем, что экономическая необходимость вынудила 40 лет назад отказаться от крепостного права, и, конечно, ростовщическая «справедливость» правящих классов не допускает и мысли о «прощении» хотя бы гроша той пени, которую они получили с крестьянства за эту его «вину».

Если г. Шеглов беспокоится, что отмена выкупных платежей будет несправедливым подарком только тем крестьянам, которые еще не погасили их, тогда как крестьяне, уже выплатившие выкуп за землю, останутся обделенными, то — по нашему мнению — есть простое средство избежать этой «несправедливости»: возвратить всему сельскому населению в общественное пользование (напр., на культурные и благотворительные нужды деревни) все суммы, собранные государством в виде выкупных платежей. Государство, уплатившее дворянам-землевладельцам в счет этих платежей сотни миллионов постыдного вознаграждения за отказ от рабовладельческих прав, сумеет выискать обратно с этого сословия эти суммы, которыми воспользуется все нынешнее сельское население для исцеления тех язв крайней нищеты, невежества и одичания, которые привиты ему грабительской политикой самодержавия.

Курск. Август. В виду ожидаемого в Курске приезда царя, принимаются экстраординарные меры охраны. На главных улицах полиция запечатывает подвальные помещения (не те, конечно, которые заняты винными погребами, а где ютятся слесарные и т. п. мастерские). Из тех подвалов, где вместе с мастерскими находятся и жилые помещения хозяев, последним велено временно убраться. Запечатано, между прочим (если только это не шутка, пущенная в оборот каким-нибудь юмористом-обывателем), неизвестно по каким мотивам, и несколько голубятен в слоб. Казацкой, на территории которой состоит царский смотр войскам.

Жандармская комиссия не ограничивается главными улицами, на которых, кроме подвалов, в некоторых домах были осмотрены и квартиры верхних этажей, и распространяет свое внимание и на боковые улицы. Было произведено несколько обысков. Между прочим, у административно-высланной Ермоловой.

Был обыск у прислуги гостиницы Бель-Вю, один из лакеев которой арестован по доносу... неперменного члена губ. по земским и городским делам присутствия г. Вишневого. Дело было так. Кто-то из останавливавшихся в гостинице забыл в номере нелегальную брошюру. Брошюра попала к лакею, была прочитана, видимо, всей прислугой гостиницы, пока не попала, наконец, в руки горничной, прислуживавшей г. Вишневскому. Горничная забыла книжку на столе у барина, барин нашел и по долгу присяги донес в участок. В результате — лакей сидит в тюрьме, а барин, надо думать, радуется, что одним крамольником меньше стало. Стыдно, г. Вишневский!

Во время торжественного следования царя по Московской улице из окон домов разрешено смотреть на процессию только тем, кто получит на это специальные билеты за подписью губернатора. Знакомых в этот день приглашать к себе не велено, в чем и отобраны соответствующие подписки. Еще курьез (не ведают, что творят!): организация добровольческой охраны высокой особы царя поручена местному отделению общества... покровительства животных.

20 августа состоялось заседание дворянского депутатского собрания, на обсуждение которого был поставлен вопрос, не следует ли представителям курского дворянства так или иначе выразить свой протест по поводу инцидента с суджанским предводителем дворянства А. В. Евреиновым. (Г. Евреинов, вызванный, как известно, в департамент полиции, был принят министром внутр. дел, от которого и получил в крайне грубой и резкой форме внушение по поводу составленной им и принятой Суджанским уездным комитетом о нуждах сельско-хозяйственной промышленности либеральной программы работ. По представлению того же министра, за свою программу г. Евреинов получил затем и «высочайший выговор»). Формой протеста депутатскому собранию было предложено избрать заявление всех уездных предводителей дворянства Курской губ. об отказе от председательствования в уездных комитетах о нуждах сельско-хоз. промышленности. Предложение это, однако, не прошло, и представители дворянства ограничились лишь тем, что написали г. Евреинову коллективное письмо с выражением соболезнования и недовольства на неуместное и неприличное поведение г. фон-Плеве. Как слышно, предложение о выражении протеста, может, и было бы принято, если бы о нем заранее не проведал губ. предводитель дворянства шталмейстер Дурново. Последний нашел, что выражать протест перед приездом государя неудобно. Кроме того, царь, наверное, осчастливит представителей верного курского дворянства пожалованием камергерских ключей для ношения на установленных для того местах и т. п. милостями. В случае же выражения протеста коллегам оскорбленного А. В. Евреинова от надежды получить эти милости придется отказаться. «Лукавый царедворец» достиг цели, и поруганный царским слугой представитель благородного дворянства остался неотмщенным.

Крови, крови!

Английский «Times» сообщает, что между харьковским губернатором кн. Оболенским и мин. юстиции Муравьевым произошло столкновение по вопросу о приговоре, который должен постичь рабочего, стрелявшего в князя-секунтора. Муравьев-де против смертной казни, князь же за нее. «Повесили для фон-Валя, повесьте и для меня», — просит добрый князь. В самом деле: для полного блеска карьере кн. Оболенского не хватает только виселицы. Пересечь сотни крестьян — это сумеет сделать любой полицейский; получить по шее от «боевой организации» — это уже редкая удача; но только труп революционера может поднять «престиж власти» на должную высоту.

Добрый Муравьев напрасно старается вырвать из рук харьковского сатрапа его «законную» добычу. Невозможно не повесить одного человека за легкую контузию на губернаторской шее, когда только что повесили троих за убийство «простого» городского Лагутина. Повесили, несмотря на несовершеннолетний возраст обвиняемых;

повесили, несмотря на поданные осужденными просьбы о помиловании. Николай II отослал эти просьбы на усмотрение донского наказного атамана, а последний решил, что повесить необходимо. Николай II решительно входит во вкус человеческой крови. Пять смертных казней в 4 месяца — такой «урожай» был редким и для «незабвенного родителя»!

Романовы в роли приобретателей.

Крым. Здесь много говорят о новых подвигах великого князя Александра Михайловича по части «округления» своих владений. Этот царственный рыцарь первоначального накопления давно уже заглядывался на землю, смежную с его имением «Ай-Тодор» и принадлежащую обществу Гаспринских татар. Само собой разумеется, что, если бы татары были немножко более «патриотами», они догадались бы преподнести царскому зятю предмет его вожделений; но татары не оказались на высоте положения. Делать нечего — пришлось покупать. Однако, покупать землю по их настоящей цене (от 3 до 7 тысяч за десятину) великий князь все-таки считал ниже своего достоинства.

Старики гаспринского общества были подкуплены, остальное довершили угрозы, и земля была куплена по 600 руб. десятину. Но этого еще мало. Отняв у татар землю, великий князь пожелал избавиться и от самих татар, т. е., другими словами, от соседства целого селения Гаспры. Ведь «они» невоспитаны, живут грязно, среди них свирепствуют разного рода эпидемии, а тут семья, дети, того и гляди кто-нибудь заразится. Нет, уж лучше подальше от этих соседей. И подобно щедринскому дикому помещику, его высочество решил, если не совсем истребить, то, по крайней мере, изгнать «мужика». Попытки привести это решение в исполнение были уже сделаны. В свой последний приезд в Гаспру таврический губернатор убеждал гаспринцев переселиться подальше в горы, великодушно предлагая правительственное пособие в размере... 10—15 руб. на двор! Само собой разумеется, что гаспринцы не соблазнились подобными «щедрими» посулами и в самом предложении помощи склонны скорее видеть насмешку, чем искреннее желание помочь. Но губернатор угрожает непокорным татарам насильственным переселением. Поживем — увидим.

В Москве произошел курьезный инцидент, показывающий, к каким комичным случаям может приводить полицейский произвол на нашей бесправной родине. В июле на одной из улиц Москвы, по приказанию обер-полицеймейстера, был арестован... кто бы вы думали, товарищи?... подольский губернатор, камер-юнкер, статский советник Эйлер. Дело было так. Губернатор с дочерью шел по улице. Навстречу ему мчался Трепов. Желая быть по возможности менее обрызганным грязью из-под шин полицеймейстерского экипажа, губернатор (бывший, к слову сказать, в штатском платье) слегка ударил тростью пристяжную. Г. Трепов в этом деянии усмотрел оскорбление собственного величества и ничтоже сумняшеся кратко приказал постовому городскому: «взять!». Исполнительный городской тотчас подскочил и потащил. Г. Эйлеру за 3 руб. удалось выкупить дочь (это еще не дорого, г. Эйлер!), сам же он вынужден был последовать за городским в участок. Пришли. Как водится — протокол. «Ваше звание?» Следует полный титул. Картина. Трясущейся рукой помощн. пристава звонит в телефон. — «Соедините с обер-полицим!». Через несколько времени прилетает смущенный, сконфуженный Трепов. «Простите, вашево! Ах, какое неприятное недоразумение». — «Не смущайтесь, генерал, я вполне понимаю ваше распоряжение, но и вы, конечно, понимаете, что об этом неприятном недоразумении я не могу не довести до сведения его высокопревосходительства г. министра...».

Дешево отделались, ваше превосход.! Наш брат, рабочий, так бы легко не отвертелся.

Пермь. У нас жандармы выдумывают дело за делом... 15 июля в Мотовилихинском заводе ночью была подброшена граната управляющему сборным цехом инженеру Назарову. Вместо Назарова пострадал ночной сторож; его ранило в шею (теперь в больнице). Арестовали проходивших мимо 3 рабочих: Постоногова, Мальцева и Дудина. Сначала арестованные сидели в общей камере, но после допроса их рассадил по одиночкам. Значит, — вздумали придать делу политический характер.

20 июля в Красноуфимском уезде в Саранинском заводе арестовали псаломщика Н. Г. Ряпасова и 3 рабочих: один из них, будто бы, выдал Ряпасова, а двое других притащили книги, данные им, будто бы, Ряпасовым. Все находится в Красноуфимской тюрьме.

Со 2 августа политические заключенные в Пермской тюрьме (из февр. и март. арестов) голодали 8 суток, требуя отмены одиночки и совместных прогулок, т. е. следствие закончено. Общество волновалось. Обращались к губернатору с просьбами похотатайствовать об удовлетворении требований заключенных. По городу разбрасывались листки о голодовке, от родных посылались телеграммы в Петербург.

Теперь голодавшие переведены в общую палату больницы, а на их место в одиночки посажены другие...

10 августа опять полетела жандармерия с обысками и на этот раз к железнодорожным... Арестованы: Матвеев, Каменев и Еленов. Причина обысков и арестов неизвестна. При обысках ничего не нашли. Из сидевших по «учительскому» и Добрянскому делу 7 выпущено в конце июля и немедленно высланы из Перми: Бокова, Глушков, Лихачев, Коптевский, Мостовенко, Левин и Булатов, остальные (Рутман, Владимирский, Ставровский, Трапезников и супруги Ягодниковы) сидят, жандармы обещают не выпустить до приговора.

Феодосия (Крым). 24 июля 1902 г. в г. Феодосии местной рабочей организацией были впервые распространены прокламации к рабочим, в количестве 450 штук. В прокламациях выяснялось значение борьбы, в которую вступил русский рабочий с капиталистом и царским правительством.

Прокламации были распространены очень удачно. По всем слободам были разбросаны во дворах, а также расклеены на стенах многих зданий. На местную табачную фабрику Стамболи прокламации были доставлены в количестве 48 штук. Побывали также прокламации на механическом заводе Наделя, в железнодорожных мастерских, на кирпичных заводах (2) и пр. — всюду вызывая оживленный обмен мыслей.

На одном из кирпичных заводов (Французск. общ.) прокламации вызвали забастовку. Рабочие добились небольших уступок. Местной же организацией были распространены листки, перепечатанные с издания «Петербургского Союза Борьбы» — «О том, как берут с нас незаметно налоги», в количестве 150 шт. Об этих листках точно также говорилось очень много. По мнению одного лодочника, — «быть сегодня бунту». На вопрос — почему? — лодочник ответил, что студенты будут требовать понижения цен на продукты, которые у нас стоят дороже, чем за границей, а потому и недоступны для рабочих.

Листки и прокламации были также разбросаны на базаре, где они читались громогласно, и обладающий листком вступал в пререкания с полицией, прежде чем отдавал листок городовому. В эту же ночь были распространены в уезде 300 шт. прокламаций к крестьянству. В них указывалось на бедственное положение крестьян, как следствие грабежа помещиков и правительства, которое, давши ничтожные надель, стало выколачивать последние гроши из крестьянского кармана непомерными налогами и платежами.

Прокламации везде читались с большим интересом. Соседи собирались вместе, вслух читывалась прокламация, а потом слышались возгласы: «верно», «так оно и есть» и т. д.

В ту же ночь была разбросана «Солдатская памятка» Л. Н. Толстого, в количестве 150 шт., на задних рядах ла-

геря. Утром много солдат прочли и стали рассуждать о прочитанном. Только часов в 10 или 11 было доложено дежурному офицеру, который распорядился отобрать книжки у солдат. Солдаты остались недовольны только тем, что брошюры не то писаны, не то печатаны (гектографированы).

Местные власти всполошились. Вызван жандармский генерал из Симферополя и жандармский полковник из Керчи, которые на месте изучают «дело». Был губернатор, объезжал уезд и говорил речи. Было несколько обысков, которые ни к чему не привели. В город присланы новые шпионы. Кстати, можно упомянуть о шпионской системе, которой держится жандармерия в Крыму. Шпионы долго не засиживаются в одном городе, чтобы не обратить внимания местных жителей. Перед 1 мая было 25 обысков в одну ночь. В обысках принимали участие пристав и полицмейстер.

В г. Ялте умер Г. В. Зуев, инициатор и организатор местного рабочего движения. Смерть его вызвала много знаков сочувствия как в местном обществе, так и в периодической печати — «Спб. Велом.», «Южн. Кур.» — и др. газетах, в которых он сотрудничал. Несмотря на сдвинутое его чахотку (от которой он и умер), Г. В. почти до самого конца принимал горячее участие в местной работе, служа блестящим примером для всех товарищей. Пусть будет легка ему земля!

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Путивля, Курск. губ., сообщают: недавно в с. Крупец приезжал путивльский исправник, который собрал сходку и сказал речь в том духе, что теперь есть злые люди-студенты, которые распространяют «пропаганду». «Так вот вам, ребята, правительство доверило охранять самих себя, и вы постоите за себя и за батюшку-царя. Ведь вы знаете, что мы им держимся и без него пропадем». И еще говорил много, много в том же духе... Однако, «пропаганда» путивльского исправника достигла совершенно противоположных его намерениям результатов. После речи блюстителя порядка один дед, по прозвищу Корчага, так остервенел, что если бы сам поп заикнулся про студентов, то Корчага и попа бы растерзал.

По слухам из Полтавы, надо ожидать новых крестьянских волнений. В страдную пору в некоторых местах крестьяне поголовно отказывались от уборки помещичьего хлеба, несмотря на высокую плату, которая им предлагалась. За уборку десятины давали по 15—17 руб. — «Убирайте сами, — говорили крестьяне нанIMATEлям. — А не можете, так не жадничайте и сейте столько, сколько ваши бабы могут убрать», — это помещицы-то. В настоящее время полтавцы принялись, повидимому, своеобразно применять свою трудовую теорию на деле: по весьма достоверным слухам, крестьяне жгут помещичий хлеб. Палить панскую пшеницу они обещали еще вскоре после экзекуций бывшего губернатора Бельгарда. Теперь они сдерживают свои обещания.

Неспокойно и в Суджанском уезде, Курск. губ. Крестьяне раздражены мерами, принимаемыми в виду маневров. Так, между прочим, крестьянам велено довести проселочные полевые дороги до узаконенной ширины. Для этого пришлось скашивать еще недозревший хлеб, посеянный по краям дорог. — «Еду я, — рассказывал один помещик, — и вижу, как крестьяне, иные со слезами на глазах, косят зеленый хлеб. — „Что вы делаете, — спросил я, — с ума, что ли, сошли?“ — „Что делаем? — ответил один из косцов. — А вот дороги прокладываем, по которым, как царь уедет с маневров, бунт пойдет. Дорогу, значит, для бунта».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Еще стачка у белого царя. В Ливадии в середине августа началась стачка рабочих, занятых малыми работами. Требование — повышение заработной платы. Стачечники держатся стойко целую неделю. Характерно, что забастовка в царском имении происходит теперь как раз накануне приезда Николая II, когда в имении идут самые спешные работы.

В Симферополе — в ночь с 8 на 9 августа и днем 9-го — произведено 11 арестов и много обысков. Взято 3 портных (из них Мышкин — во второй раз, первый — в Киеве), 2 столяра, 2 сапожника, 1 модистка, 1 папиросница, 1 иконописец, 1 массажистка. Из них 9 человек арестовано за городом. Окруженных 30—40 городовыми, их привели в город, и весь следующий день водили то того, то другого в жандармское управление, в участки, в полицейское управление, на квартиры для обыска и т. п. В любое время дня можно было натолкнуться на такую процессию. Таким образом, всполошился весь город и даже вышла своего рода демонстрация. Сочувствие всеобщее, даже среди самого консервативного еврейского купечества (большая часть арестованных — евреи). Много пожертвований и добрых пожеланий. Из арестованных одного выпустили на следующий день, а всех остальных перевели в губернскую тюрьму. В общем, надо признать, что жанд. генерал Трубников, руководящий военными действиями против социалистов, на этот раз потерпел неудачу: 1) он не разбил и даже не нанес значительного вреда организации, 2) он упустил одного намеченного им субъекта, как ни старался словить его; сделал обыски в нескольких домах, между прочим, в городской еврейской больнице, требуя выдачи ему «важного преступника», поставил специальных шпионов на всех выездах из Симферополя, и все-таки... не словил его. Уже второй раз в этом году (в мае и августе) делает Трубников набеги на организацию, но каждый раз его неудачи только усиливают ее нравственно и увеличивают ее влияние.

Симф. С. - Д. Раб. Союз.

Одесса. К нам приехали члены Еврейской Независимой Раб. Партии. Встретили их не очень-то дружелюбно, на другой же день по приезде одного из «независимых» жестоко избили. На устраиваемые ими собрания рабочие не идут, т. к., говорят они, «с шпионами жандармского управления и Зубатова не желаем иметь сношений». На-днях «Южная Революционная Группа Социал-Демократов» выпустила, по поводу приезда «независимых», прокламацию под названием «Новые союзники самодержавия», которую в громадном количестве распространила среди рабочих...

В чайной развесной Высоцкого продолжают рассчитывать рабочих мужчин, и взамен их нанимаются девочки-подростки, с платой 5—7 р. в месяц. Каждому рабочему при расчете выдается трехмесячное жалованье, и этим дирекция обезопасила себя от стачки, т. к. оставшиеся рабочие, из боязни лишиться наградных денег при расчете, не желают бастовать. Мне рабочие говорили, что посредством замены мужчин девушками дирекция получит ежегодный доход 25—30.000 руб. Хитроумная дирекция, рассчитав рабочих, обрекает их этим чуть ли не на голодную смерть.

Обыски и аресты продолжают. На прошлой неделе арестовано 4 девиц и 3 мужчин. Большинство арестованных рабочие.

Другой корреспондент сообщает: председателем в кружке «зубатовцев» состоит елисаветградский жанд. полковник. В конце июля бастовала табачная фабрика Бабадылы (160 ч.): стачечники требуют уменьшения рабочего дня, повышения заработной платы и лучшего обра-

щения. Возмутительные условия царят на фабрике Вальтуха (500 рабочих): обращение зверское; особенно отличается заведующий фабрикой Атливаник (один из столпов местных сионистов) и мастера — Ройтман и Табачников (бывший полицейский надзиратель).

Тифлис. После маевки 1901 года, когда рабочие прошли через весь почти город с развевающимися знаменами, революционное настроение у нас все повышается. Уверенный в наличии благоприятной среды, местный Комитет Партии развил в течение нескольких месяцев громадную организаторскую и пропагандистскую работу. Появилась — на грузинском языке — газета («Борьба») и несколько переводных брошюр. Прекрасно написанные прокламации выходили на русском, грузинском и армянском языках и заполняли все кварталы Тифлиса. Ежемесячно выходили отчеты рабочей кассы. Влияние пропаганды Комитета отразилось и на других общественных элементах. Учащаяся молодежь сделала попытки создать организацию, обнимавшую все, довольно большое, число тифлиских средне-учебных заведений. В издававшемся ею бюллетене общество освещалось о ходе студенческих волнений. За подписью «Комитета тифлисской учащейся молодежи» было выпущено несколько уже отпечатанных бюллетеней, касавшихся той системы забивания личности учащегося, которою правительство думает создавать себе рабов.

Жандармерия, успокоившаяся, казалось, на той добыче, которую она захватила весной 1901 года и которую терзает до сих пор (Франческо, Курнатовский и др. сидят уже больше года без приговора), увидела, что срезать колосья не значит сделать бесплодную почву, на которой они выросли. Решено было переменить тактику. — «Мы — друзья ваши: обращайтесь к нам», — сказала рабочим-стачечникам один из жандармских деятелей. Но надо было видеть то смущение и растерянность, которые охватили жандармское управление при виде сотни рабочих одной табачной фабрики, явившихся просить у начальства поддержки их борьбы против эксплуатации... После недолгих переговоров рабочие ушли, вероятно, сильно разочаровавшись в силе жандармов.

Пользуясь смешанным составом рабочих, особенно в железнодорожных мастерских, где много пришлых русских, жандармы вздумали поиграть на струне «национализма», но и это им плохо удалось. Толки о «грузинском царстве», за которое будто бы борются грузинские рабочие, не могли поддеть никого, кроме маленькой кучки пришлых русских, предводимых изменником С.

Весною, перед 1 мая, были произведены аресты. В тюрьме сидело до 80 человек — рабочих и интеллигентов, в том числе 2 гимназиста. Спустя месяц многих стали выпускать, но в городе никого не оставили.

Потеряв много деятельных работников, организация осталась в довольно тяжелом положении. Разросшееся шире движение требует много интеллигентных сил. Но Тифлисская организация оправилась от этого удара. С июня Комитет опять начал выпуск бюллетеней. А жандармская тактика и аресты озлобили рабочих и оставили след в том смысле, что с этого времени начинается хроническое избиение шпионов. Не проходит нескольких дней, чтобы не был избит провокатор... Это закончилось убийством в начале августа мастера Платто. Ни один из участников ни избиений, ни убийства не найден. В озлоблении рабочих виновата жандармерия, которая, не довольствуясь тем, что продлевает на «воле», задумала мстить заключенным. Она решила, что слишком много света и воздуха льется в камеры заключенных, и потому полковник Девилль отдал приказ закрыть окна колпаками. Товарищи, из которых некоторые томятся год в ожидании приговора, решили протестовать и сбили все колпаки сразу. Тюрьма была объявлена на военном положении. Колпаки восстановлены. Заключенные, которые за недостатком места, сидели вместе, рассажены в одиночки, лишены выписки припасов, свиданий, переписки, прогулки. Из камер все вынесено, кроме привинченной постели.

Хлудовская мануфактура (Смоленск. губ.). Общество для борьбы с крамолой.

В конце великого поста на фабрику явился человек 20 жандармов и произвели обыск у многих рабочих. На мосту, среди бела дня, они арестовали бывшего студента и жители фабрики. Арестованный выбросил из бокового кармана пальто пачку бумаг в реку. Пачка эта моментально была поймана спустившимся туда на лодке жандармом. Арестованный студент служил уже несколько месяцев на фабрике рабочим и перед арестом только что приехал из города и передал фельдшернице письмо ее подруги. Вслед затем был произведен обыск в квартире фельдшерницы, которая, увидав жандармов, испугалась, растерялась и стала звать на помощь. На ее крики прибежал коллега-фельдшер и стал кричать на жандармов, те напомнили ему, что он, по закону, должен остаться до конца обыска. Фельдшер не хотел и вырвался, ударив одного из жандармов. Немедленно по телефону было предложено уволить фельдшера и в 24 часа выселить с фабрики. И только после выяснения полной невинности фельдшера, администрация больницы еле упростила простить фельдшера, который все-таки должен был извиниться перед жандармом.

После обыска фельдшернице, у которой ничего не было найдено, предложено было фабрикой немедленно удалиться за то, что она вышла совершенно правой из этой истории. Был арестован также и один прядильщик, который, впрочем, скоро был отпущен.

Во вторник на страстной неделе с колокольным звоном из церкви были вынесены иконы и хоругви и перед ними совершен был молебен об избавлении фабрики от грозившей напасти. При этом директор фабрики старался выяснить значение надвигавшейся грозы и предложил основать на фабрике общество охраны. Поп со слезами в голосе говорил о святости задач общества. Хозяин фабрики, с своей стороны, жертвовал выигрышный билет в пользу общества. Рабочие громко и дружно благодарили хозяина, и около 300 человек записались членами общества. С тех пор на фабрике усиленный надзор: усиленная стража при входах и выходах, ночные обходы казарм членами общества охраны и т. д.

Херсон. У нас есть фабрика Лермана, существующая лет 35. До 97 года условия работы там были прямо ужасные: работали 14—15 часов в сутки за ничтожную плату при весьма плохой гигиенической обстановке. С 97 года введен 11-часовой рабочий день, и, по жалобе рабочих, постепенно улучшаются гигиенические условия. В 1901 году введен даже 10-часовой рабочий день. Зато приблизительно с этого времени управляющим фабрики делается 19-летний сынишка г-на Лермана, тиран (рабочие так и зовут его) в полном смысле слова, который на каждом шагу оскорбляет и ругает работников, а особенно работниц. С 1901 года ко всему этому прибавляется еще постепенное понижение расценок многим рабочим.

Рабочие, между тем, становились все сознательнее и стали все более возмущаться выходками Лермана-сына. Серьезные стычки между г-м управляющим и рабочими все учащались. Особенно много стычек за последнее время происходило по следующему поводу: жара стояла тут невыносимая, рабочие открывали окна, но так как от этого сох табак, то г. управляющий запретил открывать окна. Рабочие же не слушались его и все-таки открывали. Происходили также стычки из-за выдаваемых к работе мелкого табаку и плохих гильз, которые очень легко рвались, так что рабочие должны были тратить напрасно много времени. Нужно заметить вообще, что больше всего стычек выпало на долю папиросного отделения. Более крупное столкновение произошло недавно из-за попытки Лермана снова ввести 11½-часовой рабочий день.

Рабочие не хотели работать 11½ часов и послали за инспектором. Вместо последнего явился какой-то помощник, который стал убеждать рабочих работать 11½ час., они-де ничего от этого не потеряют, а если они посмеют устроить забастовку (рабочие писали инспектору, что если он не придет, то они забастуют), их заберут в острог. Рабочие были возмущены инспектором и стали серьезно толковать о стачке.

На другой же день один папиросник открыл окно. Управляющий «приказал» закрыть, тот не послушался — и ему объявили расчет через две недели. Тогда все рабочие стали отдавать свои книжки, чтобы и их уволили в этот срок. В пятницу вечером было отдано более 150 книжек (вся фабрика, за исключением 4 старших мастеров и еще двух рабочих) с требованием расчета.

Рабочие выработали следующие 6 требований: 1) 10-часовой рабочий день; 2) надбавка: поштучным — по 5 к. на тысячу, а помесечным — по 2 рубля; 3) обеспечение работы на год; 4) удаление управляющего, сына-Лермана; 5) выдача мужчинам порций по фунту табаку в неделю и 6) гарантию на зиму определенного минимума заработной платы. Требования были отправлены инспектору и хозяину, но первый не явился. Надо сказать, что рабочие решили готовить во время 2-х недель по 5—8 сотен (вместо 5—6 тысяч) в день для того, чтобы к началу стачки истощился у г-на Лермана весь его запас, который и без того был ничтожен.

По окончании 2-недельного срока началась стачка. В первый день никто не явился на работу. На другой день приехало двое рабочих из Бессарабии и эти, вместе со старшими мастерами, пошли на работу и приготовили 5 пудов табаку. На 3-й день приехало еще двое рабочих, достали тут же на месте каких-то работников, и общими силами (работали сам хозяин и сын-управляющий) было приготовлено 15 пудов. Но, несмотря на это, г. Л. чувствовал себя очень плохо: со всех сторон требовали табаку, за 10 папирос 3-го сорта брали уже 4 коп. вместо трех, и он был принужден начать переговоры с рабочими. Он заявил, что удовлетворяет все требования, только исключает 22-х рабочих — «бунтовщиков». Рабочие и слушать не хотели об этом. На другой день он сдался. Все требования были удовлетворены, управляющий же остался, только обещано с его стороны вежливое, человеческое обращение. Весь город толкует о стачке и выражает свои симпатии рабочим.

Полиция и жандармерия, вследствие того, что стачка была устроена на «законной» почве, ничего не могли сделать. Г. Лерман, правда, очень уже умолял жанд. полк. арестовать кого-либо, да и охота помочь ему была у жандармов, но ничего нельзя было сделать. Позвали даже двух-трех рабочих — «сицилистов» в полицию, но ничего не получилось.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Б е ж а л и: из Верхотурска, Иркутск. губ. — Горвиц (по польскому делу) и Ципкины (из Вильны); из Котельнича. Вятск. губ. — Горбачев (по делу Пет. Союза Борьбы 1899 г.); из Вологодск. губ. — Лев Гаврилович Волков, рабочий, привлекавшийся впервые в Спб. в 1897 г., а второй раз — в Тифлисе (в тюрьме сидел 19 мес.); из Вологды — Станисл. Густ. Петрашкевич, бывш. студент, привлекался по делу Союза Борьбы в Спб. (1901 г.); из под надзора в Кишиневе — Полина Горлен (недавно привлекалась в 3-й раз по делу «Искры») и из Рязани — бывш. студ. Евг. Тарасов (по делу Спб. Союза Борьбы). Из тюрьмы в Александровске, Екатор. губ., бежал Наум Голуб (рабочий).

В Полтаве арестован загран. студ. Сандомирский — отвезен в Спб.

Сослан в Вост. Сиб. по делу типогр. «Южный Раб.» Илья Виленский (просидел 25 мес. в одиночке). Туда же высылаются екатеринославские рабочие — Томигас, Кириллов и Лавринович (все сидели по два года) и бывш. студ. Сергей Харченко (просидел в Харькове 16 мес.).

ИЗ ПАРТИИ

Нам пишут из Петербурга.

Среди наступившего после весенних событий затишья весть о сближении «Искры» с «Союзом Борьбы» вызвала радостное и бодрое настроение среди петерб. рабочих.

За последнее время «Искра» приобрела среди передовых рабочих очень много приверженцев — ненавистников «экономизма» — и завоевала всеобщее сочувствие рабочей массы... Еще до того момента, когда стало окончательно известно, что сближение между «Искрой» и «Союзом» состоялось, рабочие открыто заявляли, что «если наш Комитет не объединится с „Искрой“, мы сами объединимся». Эти слова ясно показывают, по какому руслу течет мысль передовых рабочих: революционное настроение захватывает все силы рабочего люда, рабочие рвутся на борьбу с самодержавием... Нередко раздаются голоса рабочих на собраниях, что экономическая борьба нам ничего не дала... «Только тогда мы легче вздохнем, как свергнем самодержавного тирана...». В рабочих кружках редко слышны разговоры о «заработной плате» или о «прибавочной стоимости» — враг русского народа приковал все внимание пролетария... Перед первым мая настроение рабочих было резко-революционное: все рвалось на Невский, но... полнейшая дезорганизация и отсутствие прокламаций не дали возможности вылиться накопившему протесту.

Не может быть никакого сомнения, что «Раб. Мысль» не отвечала даже скромным запросам массовых рабочих, искавших ответа на волновавшие всех события. А само «направление» «Раб. Мысли» дало основание рабочим высказывать подозрение, что «Раб. М.» играет в руку либералам... Отсутствие хорошей агитационной литературы, посвященной вопросам дня и освещавшей все стороны русской жизни, еще более усиливало этот крупный пробел. «Искра» безусловно могла бы уничтожить этот пробел, но, расходясь в очень незначительном количестве, «Искра» не могла удовлетворить назревшую потребность. Но, несмотря на это неблагоприятное условие, «Искра» оказала крупное влияние на петербургских рабочих.

Мне хотелось еще указать на те нападки, которые раздавались со стороны экономистов на недоступность «Искры» для рабочей массы. Не может быть никакого сомнения, что совершенно темный рабочий, никогда ничего не читавший, не разберется в «Искре»... Но «Искра» вряд ли может быть предназначена для таких рабочих; для этой цели существует агитационная литература в виде листов, брошюр и т. п. Являясь руководящим органом рабочей партии, «Искра» не может и не должна «подделываться» под понимание даже самых темных слоев рабочей массы, потому что для ее сознательной части «Искра» вполне доступна. Наоборот, приходится слышать жалобы, что в «Искре» нет, напр., научного отдела (конечно, по вопросам научного социализма и т. д.). Кстати, мне приходилось указывать, что этот недостаток в избытке удовлетворяется «Зарей», но... у нас имеются лишь единичные экземпляры. Журнал же, подобный «Заре», в настоящее время является насущной потребностью. Передовая часть рабочих не может удовлетвориться одной лишь «Искрой», и поэтому сплошь и рядом прибегают к легальной литературе, в которой безусловно царит буржуазное направление. «Заря» должна энергично противодействовать влиянию этого направления на рабочих. Таким образом, резюмируя все вышесказанное, мы приходим к тому заключению, что в настоящее время для русских революционеров насущной задачей является регулярное распространение (и безусловно в достаточном количестве) как газеты «Искра», так и журнала «Заря». Только при этом условии мы можем рассчитывать на успешный ход нашей революционной борьбы.

Киевским Комитетом за период с 1 марта по 25 июня издано 12 печатных прокламаций: 1) о демонстрации 2 февраля (в двух с половиной тысячах экземпляров); 2) о значении демонстраций (в двух с пол. тыс.); 3) к слесарям; 4) к столярам; 5) к рабочим стекольных заводов; 6) на первом мая (в двух с пол. тыс.), призывавшая к забастовке; 7) о том же, призывавшая к демонстрации (в 3-х тыс.); 8) к парикмахерам; 9) о крестьянских волнениях (в двух с половиной тыс.); 10) о казни Балмашева и Леккерта (в двух с пол. тыс.); 11) к рабочим завода Гретера и 12) к портникам и модисткам.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

В прошлом № мы сообщали сведения об Исааке Персице, который своим подозрительным поведением обратил на себя внимание товарищей в Швейцарии. В настоящее время нам доставлено печатное заявление от 22 августа 1902 г., подписанное тов. Штейном, Кармин, Диттлер и Глико, в котором сообщается, что собрание уполномоченных от разных социалистических групп в Женеве рассмотрело объяснения Персица и признало, что «объяснения, данные Персицем, и расследование об его теперешнем поведении подтвердили, что г. Персиц все еще остается такой личностью, которой должны остерегаться социалистические и революционные организации».

Приметы Персица: 28 лет, высокий рост, блондин, светлые, немного косые глаза, круглое лицо, крупный горбатый нос, знает немецкий, польский, русский, еврейский, французский, итальянский и арабский языки.

По поводу нового назначения Зубатова.

Как известно из газет, пресловутый Зубатов переведен в непосредственную близость Плеве, при котором он будет отныне состоять чиновником по особым (особо-гнусным) поручениям. Вероятно, фактически Зубатов явится руководителем политической полиции, а, следовательно, и руководителем борьбы с социалистами. Следует ожидать, что специфические приемы «зубатовской» провокации и более тонкого сыска станут применяться более систематически по всей России.

В виду этого, обращаем внимание всех товарищей на необходимость «подтянуться» и подтянуть более молодых деятелей со стороны конспиративности постановки революционной работы. Возможно больше осторожности с адресами, в выборе псевдонимов, в устройстве конспиративных квартир, в употреблении шифров! Возможно более строгое отношение к себе и к своим сотрудникам, возможно более активное воздействие на неопытных товарищей со стороны более опытных — в интересах революционного воспитания первых.

Зубатов, конечно, не преминет повторить во всероссийском масштабе свои московские опыты дурачения рабочих. Кстати, московские «зубатовцы» поднесли своему патрону адрес, в котором благодарили за его «попечение о рабочих».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Васину. Несчастный случай уничтожил ваше прекрасное письмо, пришлось воспользоваться только сообщенными в нем фактами.

Сознательному шахтеру. Последнюю корреспонденцию получили; прежние — нет.

В отчете прошлого № вкралась ошибка, благодаря которой 100 фр. с вечера, полученные Лигой, занесены в отчет Цюрихской кассы.

Получено: от Ш. (Мюнхен) — 25 мар. и 10 руб.; через Рудникова из Б-а — 172 фр. 45 с. (за литературу — 32 фр. 50 с., от Б-а — 34 фр., от А. Б. С. — 45 фр. 95 с.); от родителей — 50 руб.; от подписчика — 5 руб.; с юга через Ант. — 25 руб.; через Шурку — 25 руб.

Из Льежа — 24 фр.; из С. (за литер.) — 96 фр. 65 с.

Из Д-а: с 21 июня по 11 сентября получено: за «Искру» — 15 мар.; «Зарю» — 32 мар.; брошюры — 3 мар. 10 пф.; из Штутгарта — 2 мар. 85 пф.; от Г. С. Д. — 172 мар. (из них: из Х. — 45 руб. и от В. Л. С. — 5 руб.); разный приход — 112 мар. 30 пф.

В организацию «Искры» переданы полученные в конце марта местным представителем от Киевского Комитета 200 р.; с декабря 1901 г. по август 1902 г. по 25 руб.,

согласно напечатанному в «Искре» постановлению Комитета.

Вышла в свет брошюра: «Самодержавие и стачки» (Записка мин. финансов о стачках), с приложением статьи Л. Мартова «Новая победа русского пролетариата». Женева. 1902 г. Издание Загр. Лиги Русской Революц. Социал-Демократии.

Вышла в свет брошюра: «Революционный авантюризм» (отдельный оттиск из №№ 23—24 «Искры»).

Вышел № 3 «Echos de Russie» — бюллетень на французском яз. о русск. рев. движении, издаваемого группой, примыкающей к «Искре».

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Балинский, Вернер и К^о — коммерческие дельцы, добивавшиеся концессии на постройку городских жел. дорог в Петербурге на очень невыгодных для населения условиях.

Прим. 2. Здесь имеются в виду доносы реакционной газеты «Московские Ведомости», редакция которой помещалась на Страстном Бульваре.

Прим. 3. Вильгельм Либкнехт (1826 — 1900) — вождь германского пролетариата, основал вместе с Бебелем на Эйзенахском съезде (1869) Германскую Соц.-Дем. Партию и был одним из ее лидеров. Неоднократно выбирался в члены рейхстага. Выступал вместе с Бебелем против франко-прусской войны. (См. некролог, посвященный В. Либкнехту, в № 1 «Искры».)

Прим. 4. Статья «К вопросу о программе» раньше приписывалась В. И. Ленину. В настоящее время установлено (см. «Под знаменем марксизма» 1923 г. № 6 — 7, стр. 105 — 109), что она принадлежит перу Мартова.